

ОТКРЫТИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Э. К. ПИМЕНОВА

ЖИЗНЬ
И
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ВАМБЕРИ



915
П-325

Б Р О К Г А У З • Е Ф Р О Н

Э. К. ПИМЕНОВА

П-325

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАМБЕРИ

Предисловие Д. Н. ЕГОРОВА

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН

1928

915

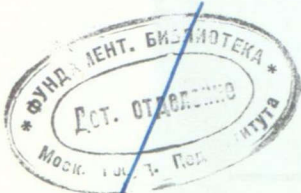
П-325

Обложка работы
С. М. Пожарского

66328

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА



Ленинградский Областлит № 52627. Тираж 4100 экз.

Тираж 4100 экз.

2-я типография Транспечати НКПС Ленинград, Ул. Правды, 15.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Арминиус Вамбери не только удачливый и важный путешественник по малоизведанным странам—таких много, начиная с полулегендарного Питеаса из Массилии, и всегда их похождения и открытия внушают недюжинный интерес. Вамбери, кроме того, совершенно исключительный путешественник по жизни. Безысходные препятствия и сокрушительные противоречия громоздятся вокруг него со всех сторон, но сквозь них он сумел провести свой жизненный корабль с такой силой и красотой, с таким все более возрастающим по ценности грузом, что это—удел немногих, редкий, чарующий пример.

Нищий-голяк с юных лет и во многих своих путешествиях—„друг голода“, терзающие укусы которого не слабели с так называемых „светлых дней детства“ и до 40-летнего возраста, Вамбери тем не менее всегда и всюду приглашал всех спутников своей жизни к богатой пиршественной трапезе, к всегда накрытому столу знания и продуктивной фантазии. Полукалека, хромоногий с детства—он неутомимый ходок пешком с многотысячными переходами. Всюду чужой, безродный—он везде желан-

ный гость будь то привал фанатиков-паломников, костер горных пастухов, роскошные покои самого падишаха турецкого или шахов Персии, иль Виндзорский дворец королей Англии, иль кабинеты крупнейших политических деятелей Востока и Запада. Большой оборвыш, которому „не стоит учиться, лучше стать резником“,—он становится общепризнанным ученым, знатоком двух десятков языков, членом ряда академий. Обиженный, гонимый, с семилетнего возраста перебрасываемый на чужие хлеба и в чужие дома—он бесконечно далек как от мстительности, так и от обычного в таких случаях, выстраданного, но жестокого и огульного, безразличия; наоборот—он, с громовым голосом и огромным удельным весом в прессе, защитник слабых и других угнетенных, будь то затоптанная Николаем I революционная Венгрия, будь то восточные народы, прижатые европейским империализмом. Сын ортодоксальнейшего отца-талмудиста, зарывшегося в книги, не признававшего и не ощущавшего действительности,—он сизмальства легко и свободно становится свободомыслящим в полном смысле этого слова, делается знатоком, ценителем и острейшим наблюдателем жизни в мельчайших даже ее проявлениях...

Таких прорывов, таких противоречий, неожиданных и как бы неестественных, в жизни Вамбери целая бездна. Это-то и пленяет, будоражит, ни на минуту не дает остыть интересу. „Фантастическая“ жизнь—указывали иногда его друзья, „восточная сказка“, в подбор к восточным наклонностям самого Вамбери; жизнь „выстраданная“ (The struggles

of my life)—определил сам Вамбери, и он, конечно, был прав. Не случай, не слепая удача, а огромный закал, неукротимая сила воли, гибкость, цепкость и емкость ума, оригинальность мышления и поступков,— вот что создало эту необыкновенную жизнь. И она, в силу этого, столь же поучительна и интересна, как и жизнь Ломоносова, Эдиссона, Форда, Шлимана и многих других людей железной воли и сверх обычного почина.

Дважды описал свою судьбу Вамбери, дважды вышли и соответствующие русские переводы, не всегда полные, с цензурными урезками. Настоящая передача—часть обеих биографических редакций. Слияние их, как и некоторое укорочение, с вымаркой назидательных соображений и поздних, отчасти старческих, размышлений, даст, думается, и большую выпуклость, и нужную динамичность. Вамбери—природный непоседа, прирожденный бунтарь; жизнь его апострофична и катастрофична, и только при старческой оглядке он невольно придал ей более плавные формы.

Д. Егоров.

ГЛАВА I

РАННИЕ ГОДЫ.—НУЖДА.—ПРЕРВАННОЕ УЧЕНИЕ.—У ПОРТНОГО И У ТРАКТИРЩИКА.—ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В ПРЕСБУРГ.—ПРОДОЛЖЕНИЕ УЧЕНИЯ.—ТРУДНАЯ ЖИЗНЬ.—МЕЧТЫ НАЧИНАЮТ СБЫВАТЬСЯ.

Мне было двенадцать лет, когда моя мать взяла меня из школы, где я учился уже три года, и поместила меня учеником в мастерскую дамского портного. Но наша семья была очень бедная, и поэтому старшие дети должны были рано начать работать, помогать матери и самим стараться выбраться на дорогу.

Мне было очень жаль покидать школу. Я учился хорошо, и учителя хвалили меня, потому что у меня была очень хорошая память и я очень легко заучивал всякие латинские фразы и изречения, смысла которых я еще не понимал тогда. Похвалы учителей подстрекали мое самолюбие, и я мечтал о том, чтобы сделаться современем врачом или адвокатом, так как эти две профессии пользовались особенным уважением на моей родине, в сельских округах Венгрии.

И вот мои честолюбивые мечты были разбиты. Вместо того, чтобы продолжать свое учение и думать

о блестящей карьере, которая предстояла мне в будущем, я должен был сидеть целыми часами в мастерской и часто, сквозь слезы, туманившие мне глаза, тачать куски кисеи или какой-нибудь другой материи. Но я был здоровым жизнерадостным мальчиком, несмотря на то, что был хромым от рождения и почти до двенадцати лет ходил на костылях. Я все-таки надеялся, что судьба смилостивится надо мной, и условия моей жизни изменятся. Спустя некоторое время, они действительно изменились: деревенский трактирщик пригласил меня заниматься с его единственным сыном, учить его читать, писать и арифметике. Парень этот был двумя годами старше меня, и когда я однажды, во время урока, сделал ему какое-то замечание, он набросился на меня с кулаками и, пожалуй, сильно избил бы меня, если бы не вмешалась его мать.

Конечно, мое положение, как учителя, было очень трудное, да еще, кроме того, я должен был исполнять и множество посторонних обязанностей в трактире: по субботам вечером я обязан был чистить сапоги для всей семьи трактирщика, а при случае разносить посетителям стаканы с вином или виски. Но меня все-таки утешала мысль, что я получу кое-какое жалование, и я решил терпеть, пока не скоплю сумму, достаточную, чтобы переселиться в окрестности города Пресбурга и снова поступить в школу.

В моем распоряжении было только восемь флоринов, скопленных мною, и этого могло хватить лишь на покупку учебников, когда я бросил службу у трактирщика. Но добрые люди пришли мне на по-

мощь, видя мое стремление к учению. Семь различных семейств кормили меня по очереди обедом каждую неделю и, кроме того, каждый раз давали мне с собой по большому ломтю хлеба на завтрак и на ужин. Родители более зажиточных школьников дарили мне их поношенную одежду. Я был доволен; ничто не мешало мне учиться, и я скоро научился довольно бегло говорить по-латыни. Учителя не могли нахвалиться моими успехами, и это только разжигало еще больше мое честолюбие.

Мне не было 15-ти лет, когда я переселился в Пресбург, чтобы продолжать свое учение в школе с более высоким курсом. Там я пробыл три года—три года тяжелой борьбы за существование, терпя большие лишения и часто голодая. Я исполнял разные обязанности ради куска хлеба: служил помощником повара, мальчишкой рассыльным, трактирным слугой, но продолжал преследовать свою цель и не переставал учиться. К счастью, мое здоровье несколько не пострадало от трудов и лишений, я успешно держал переходные экзамены в школе, а когда наступали летние каникулы, я брал свою палку и прихрамывая отправлялся путешествовать по стране, не имея ни копейки денег в кармане. Я зарабатывал хлеб дорогой, и посетил таким образом Вену, Прагу и другие города и села Австрии. Часто, когда я усталый сидел на дороге и отдыхал, какой-нибудь крестьянин, ехавший в телеге, предлагал подвезти меня. На ночь мне давали приют в деревне, или же я ночевал в поле, на гумне. Добрые хозяйки на фермах кормили меня и сна-

бжали меня на дорогу провизией. Вообще, хотя кошелек мой был пуст, но я был счастлив, радовался своей свободе и мечтал о великом будущем. Но лето проходило, я возвращался в город и снова принимался за учение с еще большим рвением после такой прогулки.

Я с особенным увлечением занимался изучением языков и в шестнадцать лет довольно хорошо знал немецкий, французский и английский языки. Затем я начал изучать шведский и датский языки, а также славянские наречия. Я гордился тем, что мог читать и разговаривать на этих языках, но, изучая их, я еще не преследовал никакой определенной цели и тогда не думал о том, чтобы сделаться путешественником. Это стремление, однако, явилось у меня, когда я заинтересовался Азией, которая представлялась мне самой волшебной, фантастической страной, полной самых удивительных возможностей. Восток привлекал меня; я зачитывался его историей и литературой, которая относилась к нему. Тогда-то я принялся изучать турецкий язык, и был чрезвычайно горд и счастлив, когда впервые мог прочесть и понять без всякой помощи словаря коротенькую турецкую поэму. С той поры я только и мечтал о путешествии на Восток, и в своем воображении я давно уже побывал там. Но как трудно было мне осуществить эту мечту, когда я был прикован к своей европейской родине, где должен был вести тяжелую борьбу за существование, ради куска насущного хлеба!

Однако, юность не так легко теряет надежду, и я продолжал в мечтах готовиться к своему путе-

шествию, невзирая на свою бедность, на свою работу и на трудные условия своего существования. Помощь явилась мне в лице моего доброго соотечественника, известного писателя, который принял во мне участие, достал мне свободный проезд в Черное море, снабдил меня небольшой суммой денег и своей старой одеждой, и я, нагрузив на спину свой дорожный мешок с книгами, сел на пароход, идущий в Галац, для того, чтобы оттуда отправиться дальше, в Константинополь.

ГЛАВА II

НА ПАРОХОДЕ.—ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С МОРЕМ.—Я ДЕКЛАМИ-
РУЮ ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХИ.—ПОЛЬЗА, ПРИНОСИМАЯ ЗНАНИЕМ
ЯЗЫКОВ.—НАКОНЕЦ-ТО!—ПЕРВЫЕ ШАГИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ.—
ВСТРЕЧА СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ.—НАШЕСТВИЕ КРЫС.—ТРЕХЦВЕТ-
НОЕ ЗНАМЯ ВМЕСТО ОДЕЯЛА.—УРОКИ ЯЗЫКОВ.—В ТУРЕЦКОМ
ДОМЕ.

Трудно описать словами, что я чувствовал, когда впервые вступил на палубу парохода, покачивающегося на волнах Черного моря! Это была самая знаменательная минута моей жизни.

„Наконец-то осуществится моя мечта!—повторял я себе без конца.—Первый шаг уже сделан. Я скоро увижу настоящий восточный город, познакомлюсь с жизнью Турции, которая привлекала меня. Я так много слышал и читал про нее, а теперь я скоро буду видеть все это собственными глазами“...

Я осторожно пробирался по раскачивающейся палубе, переполненной пассажирами и их пожитками. Найдя небольшое свободное местечко, рядом с вещами нескольких турок, которые, как я узнал потом, отправлялись на поклонение в Мекку, я бросил свой тощий дорожный мешок и тотчас же облокотился на

борт, чтобы любоваться морем. Ведь я никогда раньше не видел его, и оно произвело на меня глубокое, потрясающее впечатление! Я не мог оторвать глаза от обширного водного пространства, чудесного синего цвета, окружающего теперь меня со всех сторон,

В первый день плавания море было тихое и ласковое, волны лениво катились, сверкая в солнечных лучах. Но к вечеру собралась гроза, подул сильный ветер, и началась качка. Мое сердце радостно вздрагивало всякий раз, когда пароход взбирался на вершушку волны, словно на гору, и затем стремительно летел в пенящуюся, разверстую бездну. Мне не было страшно и, к счастью, я не был подвержен морской болезни, поэтому мог наслаждаться грандиозной картиной бурного моря.

Однако, ветер был холодный, и я очень озяб, несмотря на то, что добрый турок, мой сосед, дал мне маленький коврик, чтобы укрыться. Думая согреться движением, я кое-как выбрался из хаоса всюду наваленных вещей пассажиров и их протянутых ног и стал искать где-нибудь свободное местечко, чтобы прогуляться. Но, увы! для пассажиров третьего класса таких мест не находилось. Я увидел, однако, такое свободное пространство вблизи палубы, но там могли прогуливаться только пассажиры первого класса. Я с завистью смотрел, как в темноте расхаживал там взад и вперед один из этих пассажиров. Мне очень хотелось поговорить с ним, но я не решался и придумал другое средство обратить на себя его внимание. Я начал громко, под шум моря, декламировать

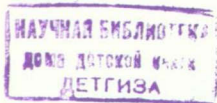
французские стихи. Скоро около меня образовалась кучка слушателей, главным образом турок, и к великому своему удовольствию я скоро увидал, что одинокий прогуливающийся пассажир остановился и тоже присоединился к ним. Конечно, я старался декламировать как можно лучше и с большим чувством. Когда я кончил, этот пассажир подошел ко мне и заговорил со мною. Я узнал, что он был бельгиец и ехал на службу в Константинополь, куда был назначен секретарем посольства. Мы разговаривали по-французски, так как я довольно хорошо владел этим языком, и в результате нашей беседы он пригласил меня навестить его в Константинополе.

Мое знание языков вообще приносило мне большую пользу на пароходе. Старик - повар, по происхождению итальянец, обрадовался, когда я заговорил с ним на его родном языке, и угостил меня макаронами и ризотто (вареным рисом) с куском вареного мяса, прибавив, что я могу приходить к нему, когда хочу, так как ему доставляет удовольствие болтать со мною по-итальянски. Разумеется, я воспользовался его любезным приглашением, тем более, что я всегда был голоден. Морской воздух возбуждает аппетит, а денег у меня было так мало, что я должен был очень экономить и тратить на еду как можно меньше, но я ведь привык жить впроголодь! И все-таки, когда мы приехали в Константинополь, из моего денежного запаса у меня оставалось лишь ровно столько, сколько было нужно, чтобы заплатить за лодку, которая должна была перевезти меня на берег.

3483
66.328.
-444

Но я не горевал. Меня несколько не беспокоила мысль о том, что я буду делать в этой совершенно чуждой и незнакомой мне стране, где я проведу ночь, и что я буду есть? Добрый повар покормил меня на прощанье, и голода я еще не мог испытывать, всецело отдаваясь чувству радости. Я вступил на турецкую землю. Наконец-то, наконец-то! — твердил я себе, бодро и весело шагая по узкой улице, идущей к высотам Перы, где находился европейский квартал. Все тут было для меня ново, все интересно, а будущее несколько меня не заботило. Меня охватывал энтузиазм при мысли о том, что для меня начинается теперь новая жизнь, — жизнь, полная приключений, и что я уже вступил на дорогу, которая должна привести меня к достижению цели. Я был молод, мне было только 22 года, здоров, полон энергии и не боялся никаких препятствий, лишений и затруднений, ожидающих меня впереди. Я был уверен, что все сумею преодолеть и сделаюсь путешественником по Востоку, к чему стремился с самых юных лет.

Охваченный этими мечтами, я остановился у одной стены и стал разбирать какую-то турецкую вывеску. В это время ко мне подошел какой-то чужестранец, любопытство которого возбудила моя венгерская шляпа с длинной, развевающейся на ней лентой. Он спросил меня по-итальянски, какой я национальности. Узнав, что я венгерец, он тотчас же заговорил со мной на моем родном языке, сказал мне, что его фамилия Пюспёки, что он сам венгерец, политический эмигрант, и очень рад видеть своего соотечественника.



Нечего и говорить, что я тоже очень обрадовался,—ведь в Константинополе у меня не было ни одной родной души, ни одного знакомого! Пюспёки был механиком на своей родине. В Турции же, куда он бежал, он занимал самые разнообразные должности, служил офицером в пехотных войсках, марки-тантом во время Крымской войны, счетоводом на судне, а теперь, когда я встретился с ним, он был поваром. Он жил в маленькой, очень бедной комнате, в подвальном этаже дома, находящегося в грязном квартале, позади стен дворца английского посольства. Вся меблировка этой комнаты состояла из одного только тюфяка, который он по-братски разделил со мной.

Я никогда не забуду своей первой ночи, проведенной в этой комнате. Мой радушный хозяин, очевидно, сильно утомленный своей дневной работой, тотчас же крепко заснул, как только улегся. Я же долго не мог заснуть и раздумывал обо всем, что мне пришлось видеть и испытать в этот первый день моего пребывания в Турции. Я лежал возле своего похрапывающего товарища и всматривался в темноту. Вдруг мне показалось, что сапоги мои, которые лежали на полу, в ногах у меня, вдруг начали шевелиться. Я стал всматриваться. Нет, это не было плодом моего воображения,—они, действительно, двигались сами по себе, как живые! Пораженный этим странным явлением, я потрогал за плечо спящего и проговорил шопотом, а потом повысив голос:

— Друг мой, друг мой, мои сапоги хотят утащить!..

Он пробормотал что-то непонятное, но когда я еще раз громко позвал его, то он, наконец, с досадой ответил:

— Спите же! Это только крысы играют...

Правду сказать, я не очень-то был доволен такой игрой и боялся, как бы крысы не изгрызли моих сапог. Но, к счастью, этого не случилось, иначе я бы очутился в безвыходном положении, не имея возможности приобрести себе другую обувь.

Я прожил три дня в этой жалкой дыре, но за это время познакомился со своими соотечественниками и получил от них разрешение поселиться временно в одной из комнат мадьярского клуба. Он был почти пустой тогда, один только секретарь клуба занимал там помещение. Однажды вечером (это был апрель месяц) я очень озяб и попросил секретаря дать мне чем-нибудь укрыться. Секретарь, видя, что я дрожу от холода, стащил с флагштока трехцветное знамя и подал его мне, говоря:

— Завернитесь в него, приятель. Под этим знаменем сражалось много героев, и оно участвовало во многих славных сражениях. Пусть же оно согревает вас теперь огнем энтузиазма, который в нем сохранился!

Прошло, таким образом, несколько дней. Круг моих знакомых расширился, и так как мне необходимо было позаботиться о заработке, то я решил воспользоваться своим знанием языков и написал объявления, что обучаю иностранным языкам. Эти объявления мои знакомые взялись распространять. Действительно, я скоро получил предложение давать уроки, и это были уроки датского языка.

Вскоре, однако, явилось и другое предложение. Один молодой турок, внезапно разбогатевший вследствие полученного наследства, пожелал получить и внешний лоск, соответствующий его новому положению. В то время в Турции для богатого человека считалось в обществе необходимым следующее: 1) быть одетым по последней моде в платье из самой дорогой материи, носить патентованные башмаки, маленькую изящную феску на голове, лихо заломленную набок и, конечно, перчатки; 2) иметь грациозную походку и изящно держать руки и 3) разговаривать по-французски. Европейские торговцы могли доставить молодому богатому турку то, что было ему нужно, чтобы иметь щеголеватый вид, а я должен был научить его говорить по-французски. Мой ученик жил в Скутари, и я должен был ежедневно ездить туда. Я занимался с ним только один час. За проезд туда и обратно и за урок он хорошо платил мне.

Этот урок открыл мне доступ в настоящий турецкий дом. Я аккуратно являлся в назначенный час и всегда находил своего ученика только что вставшим от сна, с тяжелой после вчерашнего кутежа головой. Ему трудно было заниматься при таких условиях, и понадобился целый месяц прежде, чем он одолел, наконец, французскую азбуку.

Я часто заставлял у своего ученика одного очень почтенного старика-муллу. Этот мулла всегда вздрагивал и хмурил брови, когда слышал звуки иностранного языка — языка неверных. Очевидно, он был очень благочестивым мусульманином, и его

оскорбляло то, что в комнате, в стенах которой раньше раздавались только изречения корана, священные гимны и молитвы, теперь слышалась французская речь.

— Вот каким путем дух неверия проникает в наши дома! — бормотал он в свою бороду.

Нечего и говорить, что эти уроки приносили гораздо больше пользы мне самому, чем моему ученику. Обыкновенно, вначале урока мы занимались немного по-французски, а затем я рассказывал своему ученику об европейской жизни, об европейских научных и политических учреждениях. Конечно, я увлекался и изображал ему европейскую жизнь в очень блестящих красках.

К концу урока обыкновенно подавался обильный и вкусный завтрак, а затем, очень часто, мой ученик предлагал мне поехать с ним кататься верхом и вместе со мною делал визиты своим знакомым. Таким образом, я большую часть дня проводил в обществе турок и лишь вечером возвращался домой, к своим соотечественникам. Я поселился окончательно среди турок тогда, когда дивизионный генерал, Гуссейн Даим-паша, пригласил меня в свой дом в качестве домашнего учителя своего сына.

Дом Гуссейна Даим-паши находился в строго мусульманской части города, по соседству с мечетью. Из окон своей комнаты я мог любоваться картиной моря и многочисленными разнообразными судами, придающими гавани большое оживление. В известные часы я слышал одни и те же меланхолические звуки: то был призыв правоверных к молитве, раз-

дающийся с верхушки минарета. В доме царила какая-то особенная атмосфера, преисполненная величавого спокойствия. Я с величайшим интересом присматривался ко всему, что меня окружало, так как тут все было для меня ново и было полно какого-то неуловимого очарования. Но самое большое впечатление в доме произвел на меня величественный мажордом, старик с седой бородой. Он старался обучить меня восточным обычаям.

— Вы в первый раз находитесь в большом городе и только что вступили в хорошо воспитанное общество, вы должны научиться, как держать себя,— говорил он мне.

Этот добряк смотрел на меня, как на человека, приехавшего из страны, где приличия, хорошие манеры и нравственные правила совершенно неизвестны, и люди там гораздо хуже воспитаны и грубее турецких крестьян. И вот он усердно обучал меня хорошим манерам, показывал мне, как я должен держать голову, употреблять свои руки, зевать и чихать, если понадобится. Но самое трудное для меня было выучиться сидеть по-восточному, скрестив ноги.

В те времена я, пожалуй, был единственным европейцем, получившим доступ во все классы турецкого общества, и мог основательно познакомиться с жизнью в Стамбуле. Я пробыл там четыре года, в совершенстве изучил турецкий язык, не переставая мечтать о путешествии в Центральную Азию и готовиться к этому. Мое желание отправиться в такой далекий путь изумило моих приятелей - турок.

Они думали даже, что я немного рехнулся, так как готов променять свою спокойную удобную жизнь в богатом турецком доме на опасности и лишения, которые ожидают меня во время путешествия по пустыням Средней Азии.

— Да просветит Аллах твой ум!—говорил мне один из них, покачивая головой, узнав, что я намерен странствовать в качестве нищенствующего дервиша. Прощаясь со мной, он был уверен, что больше не увидит меня.

ГЛАВА III

МОИ ПЛАНЫ. — Я ОТПРАВЛЯЮСЬ В ПУТЬ. — НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ. — В ЭРЗЕРУМЕ. — НОЧЛЕГ В СОСЕДНЕЙ ДЕРЕВНЕ. — ВСТРЕЧА С КУРДАМИ. — НАПАДЕНИЯ РАЗБОЙНИКОВ. — ВСТРЕЧА С ДРУГОМ.

Мое путешествие началось при благоприятных условиях. Венгерская академия наук избрала меня своим членом-корреспондентом за мои работы по составлению словарей, и кроме того, я получил несколько рекомендательных писем от моих приятелей, влиятельных турок, так что мог надеяться, что мое странствование по турецким владениям не встретит никаких особенных препятствий. Что ожидает меня в других странах Средней Азии — я не знал, но с большой надеждой и без всякого страха смотрел в будущее.

План у меня был грандиозный. Я хотел посетить Персию и оттуда отправиться в Туркестан, через Туркменскую пустыню, посетить Хиву и Бухару. В документах, данных мне турецкими властями в Константинополе, благодаря моим влиятельным знакомым, ничего не говорилось ни о моем европейском происхождении, ни о цели моего путешествия. Я назывался просто Решид эффенди (господин) и потому

мог сойти за турка и мусульманина, что вполне отвечало моим желаниям.

— Наконец-то я увижу собственными глазами чудеса Востока, о которых так много читал, изучая восточную и западную литературу, и о чем мечтал еще в детстве! — говорил я себе, стоя на палубе австрийского парохода, увозившего меня из Константинополя в Требизонд.

Этот турецкий город на юго-восточном берегу Черного моря, в Малой Азии, в древности бывший греческой колонией, с моря показался мне очень красивым. Впрочем, при ближайшем знакомстве я нашел, что он был лучше многих других приморских турецких городов. В Требизонде я пробыл три дня и это время употребил на подготовку к своему дальнейшему путешествию, покупку разных необходимых принадлежностей и наем лошади. Я решил путешествовать до Тегерана, как эффенди (титул, который дается в Турции всем образованным людям, чиновникам и др.), а там превратиться в скромного „киатиба“ (писца), который вынужден искать гостеприимства и покровительства властей. Весь мой багаж состоял из коврового мешка, заключавшего в себе пару рубашек, несколько книг и мелких вещей, небольшой котелок, чайник, чашку и два коврика: один должен был служить вместо тюфяка, а другой — для покрышки. Спутником моим был армянин, собственник и погонщик лошадей. 21 мая 1862 года я отправился с ним к горам, на восток.

Солнце стояло уже довольно высоко, когда мы выехали из Требизонда, и так как дорога шла в гору,

мы подвигались медленно. Через час мы уже подъезжали к глубокой долине, лежащей в ущельи. Мой спутник, армянин, по имени Хаджатор, напомнил мне, что, углубившись в долину, мы уже больше не увидим моря. Я остановился на вершине, чтобы последний раз взглянуть на море и попрощаться с ним. Оно было гладкое, как зеркало, и сверкало в солнечных лучах. У моих ног лежал город, и я мог ясно различить гавань и австрийский пароход, на котором я приехал. Несколько минут я стоял и смотрел на него, любясь бесконечным синим пространством моря, волны которого медленно катились и терялись на горизонте. Почему-то мне вдруг стало грустно, и я отвернулся от моря, к которому были прикованы мои взоры, и поторопился продолжать свой путь.

Целых шесть утомительных часов я не сходил с лошади в этот день. Такая продолжительная верховая езда всегда бывает очень утомительна вначале для непривычного человека, и я перестал уже обращать внимание на красоты окружающей меня природы, так как ощущение усталости было очень сильно, и все члены у меня жестоко ныли. Мы остановились у одного „кхана“ (гостиницы), и я должен был спать, по образу номадов (кочевников), прямо на земле, но вследствие крайней усталости долго не мог заснуть. Кроме того, мне мешал невообразимый шум, господствовавший кругом. Тут скопилось множество погонщиков мулов и лошадей, вместе со своими животными. Одни из них чистили лошадей, другие стряпали на небольшом костре, третьи пели или болтали. Этот гам долго не прекращался. Однако, в конце

концов, усталость все-таки взяла свое, и я задремал.

Мне казалось, что я спал лишь очень короткое время, когда мой спутник Хаджатор разбудил меня.

— Эффенди,—сказал он мне,—я думаю, что вы уже успели отдохнуть от вчерашней езды? Сегодня нам предстоит еще более трудная дорога. Вы не сможете удобно сидеть в седле в горах Требизонда, и потому будет лучше, если вы, не торопясь, пойдете пешком на вершину горы, пока еще не жарко.

Я тотчас же последовал его совету, покинул свое ложе и стал потихоньку карабкаться по крутой горной тропинке, с изумлением и завистью наблюдая, как тяжело нагруженные мулы спокойно и легко взбираются на крутую вершину, между тем как мне, идущему налегке, этот подъем казался необычайно трудным. По дороге мы встречали длинные линии таких нагруженных животных, спускающихся с горы под дикие крики своих погонщиков персов. Интересно было видеть, как осторожно ступали мулы по узкому карнизу, высеченному в скале, на краю бездонной зияющей пропасти. Я ни разу не видал, чтобы какой-нибудь мул поскользнулся. Несчастья случаются очень редко, да и то только зимой. Но опасность бывает велика, если встречаются два каравана на такой дороге. Во избежание этого, все караваны снабжены большими колокольчиками, звон которых бывает слышен на далеком расстоянии: он предупреждает караваны о возможности такой встречи и необходимости избегать ее.

Этот тяжелый подъем продолжался четыре часа. Мне казалось даже, что в Азии не существует худшей дороги, а между тем это был единственный торговый путь, соединяющий Армению с Персией. В течение лета сотни и тысячи таких караванов проходят по этой дороге, туда и обратно, нагруженные продуктами Азии и европейскими товарами.

Благодаря моему титулу эффенди, на следующей остановке, в Кане, мне отвели более удобный и спокойный ночлег. Прежде чем лечь спать, я, по совету Хаджатора, обмыл соленой водой те части своего тела, которые были покрыты ссадинами, вследствие продолжительной верховой езды. Сначала боль была очень сильна, и тело жгло у меня, как огнем, но на следующий день я чувствовал себя в седле гораздо спокойнее и лучше.

На третий день нашего путешествия к нам присоединились еще два армянина. Один из них заговорил со мной сначала по-французски, а потом—по-английски. Это был персидский купец из Тебриза, который, однако, провел несколько лет в Англии по коммерческим делам и теперь возвращался в свой родной город. Я очень сошелся с ним, и мне он был тем более полезен, что хорошо знал дорогу, по которой мы должны были с ним вместе путешествовать.

Через три дня, спускаясь с гор, мы встретили в пути караван из Шираза. Погонщики, в высоких остроконечных шапках, шли мерным шагом, рядом со своими мулами, нагруженными продуктами своей страны, и распевали песни Хафиза, знаменитого персидского поэта, уроженца Шираза. Предводитель

каравана был запевалой, а молодежь, сопровождавшая караван, вторила ему хором. Мне очень хотелось вступить с ними в разговор, но они не удостоили меня ответа. Продолжая петь, они шли в гору, не останавливаясь, по крутой, неровной дороге. Мне потом объяснили, что они поют потому, что мулы двигаются гораздо бодрее под звуки пения.

Через неделю мы приехали в Эрзерум, и тут я сразу увидел, что нахожусь уже внутри Азии. Улицы грязны, дома выстроены из камня или глины, с тайными входами, и стены их, не имеющие окон на улицу, представляли зигзагообразную линию. Я остановился в доме Гуссейна Даима-паши, с которым я был знаком в Константинополе, так как обучал его сына французскому языку и европейским наукам. Гуссейн Даим-паша был черкес по национальности и теперь был назначен главнокомандующим Эрзерума. Он встретил меня очень радушно, и когда я сказал ему о своем намерении отправиться в Бухару, он очень удивился и сначала старался отговорить меня, но потом, убедившись в моем неуклонном намерении, обещал снабдить меня рекомендательными письмами к некоторым из главных шейхов (начальников) в Туркестане.

Я встретил в Эрзеруме среди турецких чиновников нескольких лиц, которых я знал в Стамбуле, и посетил их в их канцеляриях. Никогда не забуду странного впечатления, которое на меня произвели такие служебные места в Турции. У входа всегда была навалена куча башмаков, палок, оружия и везде лежали собаки. Внутренность помещения соответство-

вала его наружному виду. На грязных оборванных диванах сидело несколько чиновников. В одном углу комнаты ссорились какие-то женщины, в другом кто-то излагал свою жалобу, пересыпая ее клятвами, а какой-то смешной субъект что-то рассказывал турецким офицерам.

Нищета жителей Эрзерума бросалась в глаза на каждом шагу. Некоторые жилища находились ниже поверхности земли, и грязь в них была невообразимая, а воздух был отвратительный, пропитанный запахом кизяка (сухого помета скота), который жители употребляли, как топливо.

Я был рад поскорее уехать из этого города и потому собрался в путь, вместе со своими спутниками армянами, на другой же день вечером. Около полуночи мы услышали на дороге громкий лай собак и увидели огоньки, мерцавшие в домах, рассеянных среди кустов. Мы остановились ночевать в этой деревне, но нельзя сказать, чтобы мы остались довольны ночлегом. Дома здесь состояли обыкновенно из одной обширной комнаты, в которой помещаются как люди, так и домашние животные. Скот привязывается к стойлу, устроенному с двух сторон комнаты, а люди занимают „саку“ — род возвышенной платформы. Можно себе представить, как было приятно провести ночь в обществе сорока или пятидесяти буйволов, пары телят и лошади. Надо прибавить, что в этом сарае даже не было ни одного, единственного окна! Более грязных и плохих жилищ, чем те, которые мы нашли в окрестностях Эрзерума, пожалуй, не встречается во всей Азии, поэтому неудиви-

тельно, что, как только начался рассвет, мы уже покинули ночлег, торопясь выйти наружу, и с наслаждением вдыхали свежий утренний воздух после ужасной атмосферы внутри жилища.

Когда мы проезжали в этот день по узкому горному ущелью, мои спутники сказали мне:

— Мы больше не встретим османлисов (турок). Тут живут только курды и армяне. На курдов не действуют никакие рекомендательные письма и вежливые просьбы, и если вы хотите внушить им почтение, то вы должны встретить их хорошо вооруженным.

И они тотчас же принялись осматривать и заряжать свои ружья и пистолеты.

В одной курдской деревне, Эшек-Элиаш, мы наняли двух человек сопровождать нас и выступили на рассвете. Утро было пасмурное, угрюмое и вершины отдаленных гор были окутаны туманом. Мы послали вперед нагруженных животных с проводниками и уселись у подножия горы, чтобы приготовить для себя чай. В такие сырые туманные утра чай составляет самый лучший, подкрепляющий и освежающий напиток, и мы тотчас же почувствовали себя бодрее, как только выпили пару чашек, и, усевшись на лошадей, поехали догонять своих вьючных животных. Мы их догнали уже через полчаса и увидели, что они спокойно подвигаются вдоль гребня горы. Лучи солнца рассеяли туман, и я загляделся на прекрасный горный пейзаж, открывавшийся передо мной. Вдруг, взглянув на одного из наших спутников-курдов, я заметил, что он то посматривает на

наших мулов, то на своего товарища, явственно выражая беспокойство.

— Что это такое?—спросил я его наконец.

Вместо ответа он просто указал в том направлении, где шли слуги моих спутников армян и два погонщика мулов. Мы взглянули туда и увидели вооруженных курдов, которые со всех сторон, справа и слева, верхом на лошадях, прямо устремлялись к мулам, нагруженным наиболее дорогими товарами.

— Разбойники!.. Разбойники!..—крикнул армянин Карабегов. Он быстро выхватил свой револьвер и бросился вперед. За ним поскакали его приятель и я, но как я ни погонял свою лошадь, а все же прибыл на место после них обоих. Я все еще носил на феске медную дощечку, знак моего звания эффенди, и курды, едва увидев меня, внезапно остановились в нескольких шагах от группы перепуганных людей.

— Что вам нужно? — крикнул я им громовым голосом.

Какой-то одноглазый старик, вооруженный щитом, копьем, ружьем и мечом, выступил вперед и сказал:

— Эффенди, наши быки убежали от нас, и мы их искали всю ночь. Не встретил ли ты их где-нибудь по этой дороге?

— Разве это в обычае разыскивать быков, вооружившись до самых зубов, как вы? — ответил я сурово.—Стыдись! Неужели ты хочешь запятнать свою седую бороду воровством и грабежом. Если б я не питал почтения к твоему возрасту, то я бы немедленно велел тебя схватить, бессовестный бродяга, и отвел бы к Каймакаму, в Баязет!

Мои слова, сказанные строгим тоном, и объяснения моих спутников - курдов быстро дали понять этой шайке мародеров, состоящей из восьми человек, с кем они имеют дело. Курды нисколько не боятся армян и персиян, но они все же остерегаются нападать на чиновника султана. Я прибавил еще несколько серьезных угроз к моему строгому выговору, и это подействовало: разбойники разделились и покинули нас. Мы продолжали свой путь беспрепятственно, и армяне не переставали выражать мне свою глубокую благодарность.

— Без вашего смелого вмешательства, — говорили они, — все ценные товары, привезенные нами из Лондона, непременно попали бы в руки курдов.

Я в особенности заметил во время этой стычки чрезвычайный испуг и смертельную бледность нескольких персидских купцов, присоединившихся накануне к нашему каравану. Когда мы остановились на отдых, эти люди принесли мне разные лакомства в благодарность за то, что мое присутствие спасло их. Оказывается, что в глазах курдов звание „эффенди“ имеет большой вес.

Вечером мы пришли в деревню, которая называлась „Мулла Сулейман“. В ней обитали, главным образом, армяне. При виде моих курдистанских спутников хозяин дома, где мы остановились, отвел меня в сторону и шопотом сказал мне:

— Эффенди, ты должен почитать себя счастливым, что избежал такой страшной опасности. Твои спутники известны здесь повсюду, как самые отчаянные разбойники. Еще не бывало случая, чтобы

с тем, кого они сопровождали через Дагарские горы, не произошло какого-нибудь несчастья.

В одно мгновение все стало для меня ясно. Эти два курда, которых я пригласил сопровождать меня, были в союзе с разбойниками, и если б не револьвер моего приятеля армянина и не моя феска эффенди, то, пожалуй, этот день окончился бы для нас всех роковым образом. Такого рода случаи далеко не представляют редкости в этих местах. Как народ, так и власти прекрасно знают о частых случаях нападений, знают также, кто эти разбойники, но, тем не менее, каждому предоставляется самому защищать себя, полагаясь на свою собственную храбрость.

Наш хозяин армянин устроил для нас превосходный ужин, на который были приглашены также деревенский судья и священник. Разумеется, разговор главным образом касался случаев грабежа, которые были очень часты, и рассказам о разбойничьих нападениях не было конца. Прошлой осенью караван, состоящий из сорока вьючных животных и пятнадцати человек, среди которых был один англичанин, подвергся нападению шайки из двенадцати человек разбойников. Как только курды издали свой обычный крик: „Лу-лу-лу!“, персы и турки, сопровождавшие караван, тотчас же показали пятки и предоставили разбойникам свободно рыться в грузе, не пытаясь даже вступить. Разбойники уже увели пару вьючных животных, когда англичанин, стоявший в стороне и совершенно спокойно и холодно наблюдавший за тем, что происходило, незаметно поднял свой револьвер, прицелился и свалил пульей на землю

предводителя разбойников. На мгновение курды остолбенели от испуга, но затем тотчас же бросились к англичанину. Тот, однако, ни на минуту не потерял присутствия духа и убил еще двоих, яростно крича:

— Не подходите ко мне, не то я убью каждого из вас!..

Это, конечно, произвело должное впечатление, и оставшиеся курды разбежались один за другим. Семья убитого предводителя шайки затеяла процесс против англичанина, требуя с него уплаты убытков и доказывая, что предводитель шайки просто охотился, а вовсе не грабил, когда был убит. Турки отнеслись к этому требованию вполне серьезно, и, вероятно, англичанин был бы присужден к уплате, если б в дело не вмешался британский консул, который защитил его, и семья убитого атамана разбойников проиграла процесс.

Дождь лил ливнем, когда мы на другой день покинули нашего радушного хозяина. На ночь мы остановились в одной армянской деревне, в которой было только десять домов. Обитатели их ведут странную жизнь. Люди и животные, пищевые припасы и топливо, все это хранится под одной крышей, и в то время как одна часть жителей спала, другая часть с оружием в руках, сторожила на крыше. Я спросил некоторых из них, отчего они не обратятся за помощью к губернатору Эрзерума, и получил ответ, что губернатор сам находится во главе воров и грабителей. Быть может, они были правы, эти бедняги!..

Мы перешли реку Евфрат и скоро достигли монастыря, где жили армянские монахи, пользовавшиеся большим уважением среди жителей окружающей страны, как христиан, так и мусульман. Характерной чертой всех восточных народов является то, что у них монахи, колдуны и гадалщики, независимо от того, какую религию они исповедуют, одинаково пользуются глубоким почтением. Все сверхестественное, таинственное возбуждает чувство смирения в восточном жителе, и курды, отправляющиеся далеко для своих набегов, никогда не производят нападений на это одинокое и совершенно незащищенное убежище монахов.

Под вечер мы достигли пограничного местечка Диадин. Старшина принял меня очень ласково, и когда я спросил его насчет ночлега, он отвечал:

— Добро пожаловать, эффенди. Но я не могу предоставить тебе никаких удобств для ночлега, разве только, если ты будешь согласен разделить с солдатом-пашей единственную свободную комнату в моем доме.

— Солдат-паша или кто другой, мне это безразлично!—воскликнул я.—Отведите меня скорее в эту комнату. Верховая езда в течение десяти часов может укротить даже самого сатану. Притом же я думаю, что мы хорошо поладим с этим иностранцем.

Курд, взяв в руки маленькую керосиновую лампочку, отвел меня в помещение, напоминающее чулан, где хранится всякий хлам. Солдат-паша сидел в уголку с поджатыми ногами. Когда я подошел к нему, чтобы познакомиться с ним, то, к величай-

шему своему удивлению, увидел, что это был генерал Кольман, иначе называемый Фейки-паша, один из моих самых дорогих друзей.

— Вот так удивительная встреча!—воскликнул я.

Генерал Кольман был одним из самых известных членов венгерской эмиграции и в течение всего моего пребывания в Турции выказывал мне дружбу. Мои планы путешествия были ему известны, и он был счастлив, что мог увидеться со мной здесь на границе, куда он был послан наблюдать за постройкой пограничных барачков. Мы проболтали с ним почти всю ночь, и мне было очень грустно проститься с ним на следующее утро, хотя я и продолжал мечтать о своем путешествии.

ГЛАВА IV

АРАРАТ. — СВАДЬБА. — НЕОЖИДАННАЯ ОХОТА. — ВОСТОЧНЫЙ
БАЗАР. — СЕИДЫ. — ТЕВРИЗ. — ДЕРВИШ. — ЗАБАВНОЕ ПРИКЛЮ-
ЧЕНИЕ. — ПРИДВОРНОЕ ТОРЖЕСТВО.

Первая деревня на персидской почве, которую мы увидели, называлась „Кизил-Диз“. Выхав из нее, мы подъехали к основанию горы Арарат, остроко-
нечная вершина которой была в это время года
покрыта снегом почти наполовину своей высоты.
Жители окружающей страны утверждают, что на ее
вершине можно видеть остатки Ноева Ковчега, и
многие из священников хвастались, что они видели
его в кристальных водах озера на верхушке горы.
Многие приносили оттуда щепки из остатков „ков-
чега“ и предлагали их как средство против разных
болезней. Горе тому, кто посмеет выразить хотя бы
малейшее сомнение в существовании по сие время,
по крайней мере, хотя бы двух досок и пары мачт
с Ковчега на Арарате! Впрочем, во время моих пу-
тешествий по Азии я побывал в четырех местах, где,
согласно священному преданию, остановился Ноев
Ковчег, а еще в других четырех местах люди
открыли безошибочные следы земного „рая“.



Гора Арарат.

После того как мы перешли персидскую границу, местность, по которой мы проезжали, стала очень красивой, и я начал вполне понимать превысреннее мнение персов об их родине и восхваление ее красот. Самый скромный и сдержанный из моих спутников персов несколько раз в течение путешествия обращался ко мне со словами:

— Неправда ли, Иран совсем не похож на твою страну, эффенди? Ты еще увидишь чудеса тут.

Переночевав в персидской деревне, мы выступили в путь рано утром по направлению к горам Караяна, которые далеко не пользуются хорошей репутацией. Поэтому мои армянские спутники постарались, ради безопасности, нанять несколько вооруженных человек, чтобы они сопровождали нас. Но ничего дурного не случилось. Мы приехали в Караян днем, и я был приятно изумлен, услышав звуки музыки, салют и веселые возгласы, раздавшиеся в одном доме против того дома, где мы остановились. Оказалось, что там справляли свадьбу. На мой вопрос, можно ли мне будет посмотреть на нее, сын моего хозяина тотчас же потащил меня туда. Как раз, когда мы пришли, явился многочисленный отряд всадников, чтобы везти невесту из родительского дома в дом ее мужа. Они дали знать о своем прибытии выстрелами, закутали невесту красным покрывалом, вывели ее на улицу и помогли ей сесть в седло. Несмотря на свое широкое платье, падающее бесчисленными складками и стесняющее ее движения, она все же очень твердо сидела в седле. После этого ее окружили женщины. Они пели хором очень стран-

ную песню, каждый куплет которой заканчивался фразой: „Пусть друг остается другом, а враг ослепнет, о Аллах!“

Наконец, процессия тронулась к дому жениха, и я, смешавшись с толпой, сопровождал ее. Потом меня пригласили занять почетное место за свадебным столом. Во время трапезы с гостей собирали свадебные подарки.

Мы выехали из Караяна в Чурук, где предполагали остановиться. Проехав около двух часов, мы услышали на дороге какой-то особенный лай и вой, доносившийся из глубины гор, возвышавшихся перед нами. Достигнув возвышенного места дороги, мы остановились. Персы, сопровождавшие нас, со страхом заглянули вниз на дорогу, в глубину, и тотчас же приготовили свое оружие. Вой становился все громче и громче, и вдруг перед нами выскочил великолепный олень, преследуемый двумя волками. Персы, большие любители охоты, тотчас же бросились вперед навстречу красивому животному, и один из них сразу, одним метким выстрелом, уложил его на месте. Волки, разумеется, тотчас же разбежались. Однако, один из них вскоре опять появился, вероятно, мучимый голодом.

Наша маленькая компания была очень довольна этим приключением. Мы сошли с лошадей, содрали шкуру с убитого оленя, вырезали лучшие куски и тут же на месте изжарили их на костре. Волк издали смотрел на нашу работу. Когда мы кончили, то ушли, оставив ему утолять свой голод ободренным скелетом животного.

Первое местечко, заслуживающее внимание путешественника, попадающего в Персию с запада, называется Кхой. На меня в особенности произвел впечатление базар в этом местечке своим чисто восточным характером и оживлением. Я нашел даже, что базар в Константинополе уступает ему, так как уже носит на себе некоторый европейский отпечаток. Но в Кхое Европы не чувствовалось совсем. Это был настоящий неподдельный Восток. Я с величайшим интересом прошелся по его узеньким, прохладным улицам, наблюдая жесты продавцов и покупателей, присматриваясь к разнообразным великолепным изделиям, к оружию, а также к пище, которая продавалась на базаре. В особенности меня интересовало поведение шумной, оживленной толпы, теснившейся на улицах.

В первый момент я был совершенно ошеломлен и этим необыкновенным движением и всеми странными звуками, которые неслись ко мне со всех сторон. Я подошел к площадке, над которой возвышался купол. Там около тридцати медников колотили с величайшим усердием по металлу, изготавливая котелки и сковородки. Но еще больше меня поразило то, что, невзирая на этот адский грохот, на площадке занимались две школы. Учитель сидел среди детей, которых разместил в виде полумесяца около него. В руках у него была длинная палка, посредством которой он мог касаться детей,—даже сидящих в самом заднем ряду. Я подошел к ним совсем близко, но как ни напрягал свой слух, все-таки не мог разобрать ни одного слова, хотя и учитель

и ученики кричали изо всей мочи. От сильного напряжения лица у них покраснелись, вены набухли, и своим видом они мне напомнили индейских петухов. Меня уверяли, тем не менее, что неправильно произнесенное кем-нибудь из детей арабское слово из Корана тотчас же, несмотря на шум, замечается учителем, и ученик получает от него должный выговор.

Я был приятно изумлен, увидев в этом местечке чистенький, маленький каравансарай. Путешественник обыкновенно встречает повсюду в Аравии или Турции одни только грязные кханы или гостиницы. Но в Персии уже с древних времен заботились об улучшении и облегчении сношений между городами и селами, и каравансарай или гостиницы большею частью устраивались в центре базара или на дороге. Большею частью они имели форму четырехугольного строения, каждая сторона которого разделялась на известное число каморок. Полукруглый вход служил одновременно и окном и дверью, ведущей на террасу, которая окружает здание. Эта терраса бывает вышиной в четыре или шесть футов и ведет во внутренний двор, в центре которого находится колодец, часто окруженный маленьким цветником. Каморки каравансарая представляют днем прохладное убежище, а ночью они являются для путешественников безопасным местом для ночлега. За порядком в каравансараях следит привратник, „далундар“, который помещается у куполообразного входа. Он прекрасно разбирается в посетителях, и каждый получает то, что соответствует его званию. На ночь

расставляются часовые на плоской крыше каравансарая, которые своими монотонными криками пугают злоумышленников, и потому нападения и грабежи в каравансараях случаются очень редко.

Мы выехали из Кхоя вечером 8-го июня и остановились в деревне „Хаджи Ага“, населенной сеидами, т.-е. потомками Магомета. Гордые своим происхождением, они держат себя чрезвычайно высокомерно и вызывающе. В особенности они дерзки с чужестранцами и притом чрезвычайно требовательны. В качестве потомков Магомета они требуют, чтобы в их пользу взималась подать с народа. Прикрываясь святостью, они совершают самые гнусные преступления, но народ очень редко осмеливается привлечь их к ответственности. Впрочем, власти не всегда бывают к ним снисходительны. Мне рассказывали, что губернатор Тевриза, к ужасу мусульманского духовенства, приговорил одного сеида за грабеж к смертной казни через сожжение на костре. Муллы стали горячо протестовать, но губернатор ответил им:

— Если он настоящий сеид (т.-е. святой), то пламя его не коснется!

Тевриз — древний персидский город, и, согласно преданию, был основан супругой знаменитого халифа Гарун-аль-Рашида, прославленного в разных песнях и особенно в сказках „Тысячи и одной ночи“. От его прежнего величия и великолепия теперь почти ничего не осталось, но этот большой торговый город и базар в Кхое, так поразивший меня своим шумом и оживлением, ничто в сравнении с тем, что я увидел в Тевризе.

По указанию некоторых лиц я отправился разыскивать каравансарай эмира, где должен был остановиться, и искал его около часа. Мне пришлось пробираться верхом среди оглушительного шума, сквозь густые толпы людей и мулов, и я все время опасался, что моя лошадь наедет на кого-нибудь. Передо мною в толпе плясали дервиши, среди страшной суматохи, издавая свои дикие крики и бросая вверх свои острые топорики, которые ловили потом на лету, и я до сих пор удивляюсь, как это я мог добраться до каравансарая целым и невредимым!

Мои спутники армяне, достигшие уже места своего назначения, расстались здесь со мною, обещав навестить меня на другой день и быть моими проводниками по своему родному городу. Я уселся в дверях своей узенькой маленькой каморки и сидел так до позднего вечера, отчасти потому, что хотел отдохнуть после своего утомительного путешествия, но, главным образом, мне все-таки хотелось наблюдать уличную жизнь, которая кипела ключом вокруг меня. Очень скоро, согласно обычаю страны, вокруг меня собралась толпа любопытных. Некоторые принимали меня за купца и предлагали мне товары, другие—за менялу и спрашивали, нет ли у меня денег, которые я хочу разменять. Мне предлагали также свои услуги, принимая меня, судя по моему костюму, за члена посольства в Тегеране. Я должен сознаться, что все эти предложения и приставания порядочно таки надоедали мне.

В Тевризe я наблюдал замечательное проявление фанатизма у одного из дервишей, который в это

время находился в городе и был предметом всеобщего поклонения на базаре. Это был сторонник мужа дочери пророка, Али, скончавшегося больше тысячи лет тому назад. В знак своей преданности Али он торжественно поклялся, что никогда не произнесет никакого другого слова, кроме имени „Али“. И вот, в течение тридцати лет ни одного слова не срывалось с его уст, кроме этого священного имени! Дома, с женой, детьми и друзьями, он не говорил ничего другого. Если он хотел есть или пить, или вообще хотел выразить какое-нибудь желание, то повторял только „Али!.. Али!..“ То же самое было и на базаре. Если он просил или покупал что-нибудь, то говорил „Али!“ Иногда он, точно безумный, бегал по улицам города, бросая свою палку высоко в воздух, и пронзительно вскрикивал „Али!.. Али!..“ Этого дервиша все уважали, как святого, и принимали с большим почетом. Один из самых богатых людей в городе подарил ему однажды прекрасного коня, седло и упряжь. Дервиш тотчас же вскочил в седло и понесся вдоль по улице, издавая свой обычный монотонный крик „Али!“ На нем было платье либо белого, либо зеленого цвета, и его посох всегда был такого же цвета, как и платье. Когда он проезжал перед каравансараем, то всегда останавливался и с такой силой вскрикивал, что вены у него на шее и на лбу вздувались, как веревки.

В каравансарае со мной было следующее забавное приключение, о котором я хочу здесь рассказать. Однажды, в очень жаркий день, я сидел у дверей моей каморки и занимался тем, чем обыкновенно

занимаются дервиши, а именно: я освобождал свое белье от некоторых противных насекомых, которые нападают на бедного путешественника на Востоке, несмотря на все его заботы о чистоте. В это время два англичанина, которых я узнал по их индийским шляпам, проходившие по каравансараю, внезапно остановились передо мной. Несколько минут они с любопытством наблюдали за моим неаппетитным занятием, и наконец тот, который был помоложе, сказал своему более пожилому товарищу: — Полюбуйтесь-ка на охотничье рвение этого парня!

Я поднял на них глаза и заметил по-английски: — Может быть, вы тоже хотите этим заняться, сэр?

Они были поражены и даже как-то растерялись, затем один из них спросил:

— Как вы выучились по-английски и из какой вы страны?

По понятным причинам я воздержался от ответа на этот вопрос и больше не произнес ни одного английского слова, а поторопился поскорее удалиться в свою келью.

Прошли года, и уже после того, как я вернулся в Европу из своего путешествия, я был однажды приглашен на обед к одному знатному англичанину. Среди гостей я увидел того самого англичанина, который обратился ко мне с вопросом в Тевризе, но он меня, конечно, не узнал. После обеда хозяйка дома попросила меня рассказать что-нибудь из своих дорожных приключений, а я, в свою очередь, по-

просил ее познакомить меня с тем из гостей, которого, как мне казалось, я видел несколько лет тому назад в Тевризе.

— Это лорд Р. — сказала хозяйка.

— Я не знаю, как его зовут, но я видел его, — отвечал я.

Хозяйка подвела меня к лорду Р., который любезно поклонился мне, но отрицал факт прежнего знакомства со мной.

— Милорд, — возразил я, — ведь вы же были в Тевризе. И разве вы не помните дервиша, который заговорил с вами по-английски?

Лорд Р. чрезвычайно удивился. Он тотчас же вспомнил нашу встречу и рассказал это приключение, вызвав веселый смех общества.

В бытность свою в Тевризе я присутствовал на одном интересном празднестве, обставленном с чисто восточной пышностью и блеском. Музаффар-Эддин Мирза, сын шаха, был избран, согласно обычаю, наследником престола. Теперь ему было девять лет, и он должен был публично облачиться в халат (царский парадный костюм). Весь город пришел в волнение по этому случаю, и празднества продолжались несколько дней. Один молодой поэт написал стихи по этому поводу, которые продекламировал маленькому наследнику. Он сравнивал его с нежной розой, блестящим солнцем, драгоценной жемчужиной и великим героем, который одним ударом своего меча уничтожает целые армии, один взгляд которого заставляет дрожать горы, а пламя очей высушивает реки...

Когда кончились эти торжества, я уехал из Тевриза. Дороги из этого города, ведущие внутрь страны, постоянно посещаются караванами и группами путешественников, поэтому я считал их достаточно безопасными и решил продолжать свое путешествие один, в сопровождении только „чарвадора“ (отдающего в наем верховых лошадей и вьючных животных).

ГЛАВА V

Я ПОДВЕРГАЮСЬ ОПАСНОСТИ. — ШИИТЫ И СУННИТЫ. — МОХАР-РЕМ. — ТЕЗИЕ. — ИСТОРИЯ АЛИ. — ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНЫЕ ЗРИТЕЛИ. — ДЕТИ-АКТЕРЫ. — НЕВОЛЬНЫЙ ПОСТ. — РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАНАТИЗМ. — ПУСТЫННАЯ ДОРОГА. — ТЕГЕРАН. — ТРУДНЫЙ ВОПРОС. — Я ПРЕВРАЩАЮСЬ В ДЕРВИША. — СОЛЕНАЯ ПУСТЫНЯ. — ЛЕГЕНДЫ. — ДОЛЯ ДЕРВИША. — КАРАВАН МЕРТВЫХ.

Через два дня по выезде из Тевриза я приехал в деревню, которая называлась Туркменчай. Она прославилась тем, что там был подписан мирный договор, положивший конец русско-персидской войне 1826—28 гг. Я переночевал в этой деревне и отправился дальше. По дороге, когда я остановился в одном уединенном каравансарае, со мной произошло довольно неприятное приключение, которое могло окончиться для меня роковым образом. Ко мне подошел один сеид и стал просить меня написать ему на листике бумаги одно или два изречения из Корана, так как это он считал талисманом. Я исполнил его просьбу, но он этим не удовлетворился и просил меня дать ему для его трубки еще немного табаку, очень крепкого сорта, которым меня снабдили мои друзья в Тевризе.

— Сеид,—ответил я,—конечно, я охотно готов был бы исполнить твою просьбу, но ведь ты привык к слабому табаку Курдистана, и я боюсь, что ты почувствуешь себя плохо, если закуришь этот слишком крепкий табак.

Но сеид так приставал ко мне, что, в конце концов, я уступил ему и дал немного моего табаку. Он набил свою трубку, закурил ее, но едва сделал несколько затяжек, как почувствовал сильное головокружение и дурноту. Он побледнел, и с ним сделалась рвота. Тогда он выбежал со стоном во двор и начал кричать: „Помогите, правоверные, меня отравил проклятый суннит!“

Я бросился за ним вдогонку так скоро, как только мог, и увидел его лежащим на спине и окруженным маленькой группой персов. К счастью, мое красноречие оказалось достаточным, чтобы убедить их в полной моей невинности, иначе мне пришлось бы плохо.

Опасность угрожала мне в особенности потому, что меня считали суннитом, а персы были шииты. Сунниты и шииты—две враждующие мусульманские секты. Сунниты считают первых трех халифов после Магомета (Абу-Бекра, Омара и Османа) его законными преемниками и признают лишь те многочисленные предания о Магомете, которые возникли или были собраны при этих халифах, и те установления, которые создались при них. Огромное большинство мусульман—сунниты (турки, арабы и др.). Противники их—шииты, к которым принадлежат почти исключительно персы, иранские и индийские мусуль-

мане,—считают трех халифов, Абу-Бекра, Османа и Омара, обманщиками, похитителями прав Али, мужа дочери Магомета; они признают только его—единственным законным преемником Магомета. У них есть свои собственные предания более позднего происхождения.

Я считался суннитом потому, что явился из Турции, и правоверные персы-шииты, естественно, относились ко мне подозрительно.

Когда я приехал через несколько часов в город Зенджан, то по дороге к каравансараяу я заметил, что на высоких столбах развеваются черные флаги. Это были первые десять дней месяца Мохаррем, и в течение этого периода все мусульмане воздерживаются от всякого веселья, наряжаются в траурные одеяния, постятся и посещают религиозные театральные представления, так называемые „тезие“. Черные флаги указывают места, где происходят эти представления.

В тот день, когда я приехал в город, все говорили о знаменитом певце, который должен исполнять главную роль в тезие в этот самый день, в присутствии губернатора. Конечно, я сгорал желанием посмотреть на это представление и, едва приехав в каравансарай, решил тотчас же отправиться туда. Я присоединился к толпе, и она увлекла меня за собой во двор губернатора. Там, посредине, стояла платформа, возвышавшаяся на два ярда над землей, а вокруг нее, на столбах довольно значительной высоты, висели шкуры тигра и пантеры, черные флаги, щиты из стали и кож и обнаженные мечи,

вперемену с фонарями для освещения вечерних представлений. Это была театральная сцена. Женщины сидели с правой стороны двора, а мужчины собрались на левой. Губернатор, его семья и все выдающиеся граждане города смотрели на представление со второго яруса. Все были в траурных одеждах, и у всех на лицах выражалась крайняя печаль и уныние.

Тезис изображает трагическую историю Гуссейна, второго сына халифа Али и дочери Магомета, Фатмы. После смерти Магомета, так как он не назначил никого своим преемником, правоверные разделились на два лагеря. Большая часть из них находила, что наиболее достоин быть наследником Магомета Абу-Бекр, самый старый товарищ и последователь пророка, но меньшинство хотело посадить на престол Али. Однако, партия Али была побеждена. После Абу-Бекра халифом сделался Осман, а после Османа—Омар. Но сторонники Али не отчаивались в успехе и продолжали свои попытки посадить его на престол халифа, и после смерти Омара он, действительно, сделался халифом. Но царствование его продолжалось недолго. Его враги, во главе которых стояла сама вдова пророка, подошли к нему убийц. Его страдания и трагический конец только увеличили число его последователей; народ оплакивал его, как мученика, и почти обожествлял. У него было девять жен, но из них упоминается только о Фатме, любимой дочери Магомета. У Али было от нее два сына, Гассан и Гуссейн. Свои права на наследие после него заявил Гуссейн.

Он отправился по какому-то случаю из Мекки в Куфу, в Месопотамии, по приглашению обитателей этого города, которые были его сторонниками, и его сопровождали туда те из его последователей, которые эмигрировали из Мекки. На берегах реки Тигр, среди пустыни, на них внезапно напали неприятельские банды и перебили всех до одного человека. В память этого горестного события слагались бесчисленные траурные песни в Персии, и оно же изображается и в театральных представлениях, называемых тезие.

Перед самым представлением, на котором я присутствовал, на платформу вышел какой-то оборванный дервиш, совершенно расслабленный, вследствие чрезмерного употребления опиума, и крикнул: „О вы, истинно верующие!..“

В ту же минуту воцарилась глубокая тишина. Тогда он начал читать длинную проповедь, восхваляющую совершенства и славные деяния великого шиита и затем перечисляющую все грехи и злодеяния суннитов. Называя имена некоторых знаменитых суннитов, он восклицал с яростью, почти граничащей с безумием:

„Братья, разве мы не должны проклинать их? Разве мы не должны призывать проклятия на их головы? Я призываю проклятия на подлых трех собак, на трех похитителей: Абу-Бекра, Омара и Османа!..“

Тут он сделал паузу, ожидая, какое впечатление произведут его слова на собравшуюся толпу, и толпа отвечала ему бурными возгласами одобрения и проклятиями по адресу ненавистных лиц. Он продолжал

свою речь, проклиная Аишу, жену пророка Магомета, и всех главных врагов шиитов. Он восхвалял шаха, всех присутствующих улемов (ученых, занимающих высшие духовные и судебские должности) и губернатора. Кончив проклятия и восхваления, он спустился с платформы и пошел собирать со слушателей дань за свое красноречие.

Это был пролог. Вскоре после того несколько человек, одетых в широкие развевающиеся платья, вышли на сцену. Они начали распевать элегии, то в одиночку, то хором, с целью заставить зрителей расчувствоваться и подготовить их, таким образом, к представлению.

На сцену выходит главный герой, Имам Гуссейн. Он отправляется в Куфу, в центре пустыни, сопровождаемый своей семьей и небольшим отрядом своих последователей. Все они ужасно страдают от мучительной жажды. Гуссейн старается поддержать их мужество и облегчить их страдания словами утешения и надежды.

В то время, как он говорит с ними, на заднем плане сцены виден трон Иезида, врага Гуссейна, и сам Иезид восседает на нем. Иезид, окруженный роскошью и величием, отдает самые жестокие приказания своим вооруженным приверженцам, велит не давать пощады Гуссейну и его последователям. Али Экбер, младший сын Гуссейна, при виде жестоких мучений, которые терпят его близкие вследствие жажды, решается пойти и принести для них воды из Тигра, хотя и знает, что враг подстерегает его со всех сторон. Его друзья и родные стараются

отговорить его от такого рискованного предприятия. В их голосах отражается вся их любовь и боязнь за него. Трогательные просьбы плачущей матери, молитвы отца и рыдания Гуссейна и его маленького отряда действуют на впечатлительную толпу, которая вторит актерам своими сочувственными возгласами. Эти возгласы превращаются в настоящий вой, заглушающий все, что говорится на сцене. Женщины, в особенности, так горько и громко рыдали, что я едва мог уловить слова прекрасных и трогательных диалогов, которые произносились на сцене.

Али Экбер остается тверд в своем решении. Его мать падает в обморок, но скоро опять приходит в себя и начинает молиться за своего сына-героя. Его отец опоясывается мечом, садится на лошадь и объезжает несколько раз вокруг сцены. Тотчас же за ним гонится один из могущественных воинов из шайки неприятеля. Борьба между ними разгорается, и интерес зрителей возрастает все больше и больше. Храбрый юноша Али Экбер в конце концов падает, на него сыплются удары за ударами, и кровь струится из его многочисленных ран. Раздаются вопли и крики отчаяния со стороны родных и друзей Гуссейна, следящих с затаенным дыханием за исходом битвы. Тело умирающего юноши приносят и кладут впереди сцены. В тот момент, когда все его родные с горькими рыданиями бросаются к нему, вопли, крики и возбуждение зрителей достигают высшей точки. Женщины бьют себя в грудь и посыпают свои головы, вместо пепла, рубленной соломой и песком, чтобы засвидетельствовать свою

печаль. Мне кажется, что вряд ли какой-нибудь европейский трагический актер в состоянии произвести такое сильное впечатление на толпу своих зрителей.

Гуссейн, поклявшийся отомстить врагу за смерть своего сына, вскакивает в седло, но его яростно преследует Шамр, один из воинов Иезида, и тоже убивает. Тело Гуссейна приносится на сцену и кладется рядом с телом его сына. В толпе снова раздаются бесконечные рыдания и вопли. Тела убитых покрываются черными траурными шальями. Но битва продолжается, и в конце концов не остается в живых никого из семьи Гуссейна.

Зрители безмолвствуют, подавленные горем, не решаясь поднять глаза и взглянуть на сцену, где лежат тела убитых. Трагедия кончилась, и актеры мало-помалу покидают сцену...

Сюжеты этих представлений всегда носят религиозный характер, и некоторые заимствованы даже из библии, напр., Авраам, приносящий в жертву своего сына. В представлениях участвуют между прочим дети, большею частью не старше шести лет. Я был поражен их умением держать себя на сцене и памятью. Актеры обыкновенно поют свои роли и притом с таким искусством и выражением, что могут угодить даже самому требовательному вкусу и слуху. Недостаток же этих представлений состоит в том, что все женские роли должны исполняться мужчинами, так как закон Ислама строго воспрещает женщинам появляться на сцене.

Следующей моей остановкой после Зенджана был город Казвин, который некогда был столицей

Ирана. Но теперь не осталось и следа его древнего величия. Меня чрезвычайно заинтересовали великолепные сады в его предместьях, и я потратил довольно много времени на их осмотр, поэтому приехал в каравансарай довольно поздно вечером. Я оставил там свой багаж и отправился покупать необходимые съестные припасы, но к своему величайшему удивлению нашел все лавки запертыми. После получаса напрасных исканий я вернулся в свою келью голодным и страшно утомленным после своего дневного путешествия. Но всюду я получал неизменный ответ:

— Завтра годовщина смерти Гуссейна, а шииты слишком правоверные мусульмане и не могут заниматься своими делами в тот день, когда Гуссейн и другие святые были замучены.

Другого выхода у меня не оставалось, как только идти просить милостыню, но персы не отличаются щедростью, и то скудное подаяние хлебом, которое я получил от них, отнюдь не могло удовлетворить огромного аппетита такого голодного путешественника, каким был я. На следующее утро мне удалось, однако, купить, под большим секретом, у одного лавочника немного хлеба и вареного риса. После этого я поторопился поскорее вернуться в каравансарай и уговорил своего товарища тотчас же выехать из города.

Когда мы проезжали базар, направляясь к городским воротам, то встретили мнимую похоронную процессию, согласно старинному обычаю, имеющую целью возбудить набожность верующих посредством

своих ужасных причитаний и варварского фанатизма. Нельзя себе представить, какие дикие гимны распевают те, кто участвует в таких процессиях, и что они проделывают! Одни из них колотят себя в грудь до тех пор, пока у них не показывается кровь изо рта, другие делают безумные прыжки, третьи наносят себе раны ножом, для того, чтобы вид сочащейся крови произвел впечатление на толпу.

Увидев такую процессию, я постарался укрыться в дальнем углу базара и там переждать, пока пройдет безумная толпа, ревом которой был наполнен весь город. Мой товарищ сказал мне, что Казвин („благочестивый город Казвин“—как он называл его) прославился из всех городов Персии тем, что в такой день, в годовщину смерти Гуссейна, там умирают, по крайней мере, два или три человека из чувства преданности к нему. Я охотно поверил ему, потому что такие сцены, вызываемые религиозным фанатизмом, напоминают то, что также происходит в Египте во время религиозных празднеств или в Индии, когда люди увечат себя или бросаются под колесницу идола.

Дневная жара заставляла нас путешествовать ночью, но зато нам ярко светила полная луна. Однако, мне не нравилась чрезвычайная тишина и пустынность дороги, по которой мы ехали. Это производило жуткое впечатление. Хотя нам встречались маленькие караваны, возвращающиеся из Тегерана, а также и одинокие путники, но никто ни разу не окликнул нас, и мы продолжали свой путь в полном одиночестве. На третью ночь, когда мы ехали

по равнине, я услышал какие-то голоса и быстро приближающийся стук лошадиных копыт. Я приготовил свое оружие и, нагнувшись вперед, разглядел трех всадников, быстро скачущих навстречу и размахивающих оружием. Я громко крикнул, держа наготове свои пистолеты:

— Убирайтесь прочь с дороги, не то я вас застрелю!..

Испугал ли их мой иностранный акцент или мой повелительный голос и наш костюм, непохожий на обычный костюм персов, но только они усаkali. Мой товарищ смотрел на это, как на шутку, я же должен сознаться, что почувствовал некоторое беспокойство и только утешал себя мыслью, что к вечеру на следующий день должен уже прибыть в Тегеран.

Мы остановились под вечер на берегу небольшого ручья, называемого Кереч. Там мы нашли целую толпу путешественников мусульман. Одни из них совершали свои омовения, другие же молились на берегу ручья. Но мое нетерпение поскорее увидеть столицу Ирана не давало мне покоя, и поэтому я быстро умылся в чистой, светлой воде ручейка и, к великому неудовольствию моего товарища, объявил, что сейчас же еду дальше.

Я постоянно спрашивал его по дороге: „Где же Тегеран?“ И он неизменно отвечал мне, указывая пальцем вперед: „Вот там“.

Но напрасно я напрягал свое зрение, я не видел никаких признаков города. Наконец, серая масса тумана привлекла мои взоры, и в нем я увидел Те-

геран на склоне горы. Нам оставалось еще с полчаса дороги, но скоро лучи восходящего солнца рассеяли туман. Я увидел прежде всего крыши, покрытые зелеными глазированными черепицами, затем золоченые купола и, наконец, перед моими глазами развернулась вся панорама города, где находился трон „царя царей“, как называл себя шах.

Кому случалось путешествовать по Персии в половине июля, тот знает, какую радость испытывает путник, выехавший из Тевриза, когда, наконец, он приближается к Тегерану. Между этими двумя городами не более 15-ти караванных станций, но дорога страшно утомительна, так как приходится совершать переезды по знойной безводной степи. Особенно неприятно ехать на медленно движущемся, тяжело навьюченном муле. Если переезд совершается ночью, то путешественника непременно клонит ко сну. Медленно выступающий мул укачивает его, точно в люльке, и надо крепко держаться за что-нибудь или даже велеть привязать себя, чтобы не свалиться во сне на землю. Привычный к такой езде житель Востока спит себе совершенно спокойно, сидя на каком угодно животном,—на лошади, на верблюде, на муле или осле. Я не мог без смеха смотреть на какого-нибудь долговязого перса в длинном кафтане, лежащего вразяжку на маленьком ослике, почти касаясь ногами земли и голову, положив на шею терпеливого животного. Но я еще не научился тогда спать таким образом и с завистью смотрел на своих спящих спутников.

Стена, окружающая Тегеран, выстроена из глины, но персы, со свойственной им склонностью к преувеличению, считают ее столь же неприступной, как если бы она была построена из гранита. Я въехал в Тегеран через узкие ворота в стене и с огромными затруднениями проложил себе путь через теснящуюся у ворот, в страшном беспорядке, густую толпу ослов, верблюдов и мулов, навьюченных соломой, ячменем и тюками персидских и европейских товаров. Я поджал под себя ноги и среди общего рева кричал во все горло: „Берегись! Берегись!“ Наконец, мне удалось пробраться в город, и с таким же трудом я протискался через базар и был чрезвычайно рад, когда добрался целым и невредимым к дому турецкого посольства, где я должен был остановиться.

Я встретил очень радушный прием среди членов турецкого посольства, но когда на их расспросы я сказал им, какое я собираюсь совершить путешествие, они пришли в ужас. Они не могли понять, как может рассудительный человек желать ехать в Центральную Азию—область, которую в Персии считают ужасающей пустыней, обитаемой самыми дикими и самыми варварскими народами. В особенности возмущался моей затеей турецкий посланник, который уговаривал меня остаться в Персии еще месяца два и изучить сначала эту страну, а затем уже отправиться путешествовать.

Первое, что поражает каждого путешественника, приезжающего в персидскую столицу, это—полное отсутствие чистоты на улицах и внутри домов.

Персы покрывают коврами большие приемные комнаты в своем доме и убирают стены богатыми орнаментами, но жилые комнаты и кухни находятся в полном пренебрежении, и поэтому там скопляется грязь. То же самое наблюдается и в отношении одежды. Верхняя одежда перса может быть очень богата и роскошна, но редко такой богато одетый человек имеет больше двух смен белья. Мыло считается предметом роскоши.

Я с удовольствием отдохнул в Тегеране около недели, но вскоре мною снова овладело желание продолжать свое путешествие. Однако прежде всего я должен был решить вопрос, как я отправлюсь дальше, под видом кого: турка или европейца? В Тегеран я явился в качестве турка, и как турок был представлен персидским властям. Было бы странно, если бы я вдруг, после этого, превратился в европейца и поехал бы дальше, как европейский путешественник. Правоверные персы-шииты относятся враждебнее к суннитам, чем даже к неверным европейцам, и хотя в самом Тегеране, находясь под покровительством турецкого посольства, сунниты не подвергаются опасности, но за пределами города и, в особенности, в южной Персии, известной своим фанатизмом, они могут испытать разные неприятности. К этому должен был приготовиться и я. Но это не могло остановить меня и заставить изменить мое первоначальное намерение, и я покинул Тегеран в сентябре 1862 года, в костюме суннитского дервиша из Багдада. Моя нижняя одежда спускалась до пят, грудь опоясывал красный пояс, на спине был

надет черный полосатый „машлак“ (ватерпруф), а на голове изящная повязка „киффи“, полезная и красивая. Это был арабский головной убор, состоящий из большого белого шелкового носового платка с желтыми полосами.

Я присоединился в качестве дервиша к маленькому каравану, и так как ворота Тегерана закрывались после заката солнца, то мы решили собраться в каравансарае за городом. Там многие из путешественников, входящих в состав нашего каравана, только впервые познакомились друг с другом. Караван состоял из тридцати мулов и пары всадников, к нему присоединились мулы и паломники, возвращавшиеся из Мешхеда, купцы и механики.

Мы вышли в два часа ночи и ехали в полном молчании часа два, но затем некоторые из членов нашего каравана почувствовали потребность общения со своими товарищами, и начались разговоры, шутки и смех, нарушившие, наконец, монотонность поездки.

Я избрал своим компаньоном молодого сеида из Багдада, который намеревался объехать южную Персию в качестве певца священных песен. Обыкновенно такие певцы, распеваящие „тезие“, т.-е. элегии в честь Гуссейна, бывают самыми большими фанатиками-шиитами, и, пожалуй, может показаться удивительным, что мы с ним так близко сошлись. Он познакомил меня с другими членами нашего каравана, и так как он был веселый, общительный малый, то очень скоро сделался общим любимцем, а я косвенным образом извлекал пользу из его популярности.

Ночь была лунная, великолепная. Чистый, прозрачный воздух, красивая линия гор, темнеющие развалины и призрачные тени двигающегося каравана, сверкающий звездный свод над нами—все это производило неизгладимое впечатление на всех нас. Сеид, ехавший возле меня, смотрел на небо и рассказывал мне легенды, связанные с разными созвездиями. Дорога была трудная, усыпанная обломками скал и пересекаемая рытвинами, но я не обращал на это внимания и, вполне доверяясь спокойному, уверенному шагу моего ослика, слушал рассказы сеида, говорившего мне, что каждая звезда обладает дурным или хорошим влиянием на судьбу человека.

Мы приближались к деревне, где была назначена первая остановка, и как это было в обычае у мусульман, весь наш караван приветствовал наступающий день. Сеид произнес молитву, и после того начались омовения в предутренних сумерках, а когда первые лучи солнца осветили верхушки гор, караван остановился. Все начали молиться.

Наши животные стояли спокойно, опустив головы, в то время как люди, обратив взоры к востоку, стали в ряд на колени, друг возле друга, и запели мелодичную молитву, начинающуюся словами „Аллах велик“ и т. д.

Мы остановились в обширном каравансарае вблизи деревни Кенарегирд, что означает „Окраина песка“, так как к востоку от нее простирается соленая пустыня „Дешти Кувир“. Эта пустыня, должно быть, — ужасное место, потому что за все время моих странствований по Персии, я ни разу не встретил ни

одного туземца, который проезжал через нее, и когда какой-нибудь перс заговорит об этой пустыне, то можно быть уверенным, что он наскочит о ней всякие ужасы, и в этих ужасах всегда выдающееся место занимают дьяволы и злые духи. Наиболее распространенная легенда, касающаяся этой местности, представляет историю Шамра, убийцы Гуссейна и смертельного врага каждого перса-шиита. Ему приписывается образование тут пустыни. Мучимый угрызениями совести, он бежал сюда и здесь искал убежища, но эта, некогда цветущая страна, внезапно превратилась в бесплодную пустыню. Соленые озера и бездонные болота образовались тут вследствие капель пота, стекавших с его тела под влиянием его ужасных страданий.

Самое страшное место в этой пустыне—это „Кебир-Куу“, где, согласно поверью, до сих пор обитает Шамр. Горе несчастному путнику, который позволит заманить себя туда обманчивым светом блуждающего огонька!.. Мои спутники рассказывали мне немало подобных историй, относящихся к соленой пустыне, и одна из них была страшнее другой.

Как только мы прибыли в каравансарай, каждый из нас поспешил найти для себя тенистое местечко, и мы все устроились более или менее комфортабельно. Через несколько минут тут уже образовалось оживленное и шумное поселение. Животным был дан корм из сухой ячменной соломы, а персы занялись в это время приготовлением пищи для себя. Более зажиточные заставили своих слуг растирать им спину и делать массаж членов, чтобы восста-

новить их гибкость. После короткого отдыха мы позавтракали, а затем снова отдыхали. Караван обыкновенно отдыхает во время дневной жары, чтобы восстановить свои силы после утомительного путешествия, и выступает снова в путь только с наступлением сумерек. Животные тоже следуют примеру своих повелителей, но к вечеру караван оживляется, все уже на ногах: люди и животные готовятся к выступлению. Одни занимаются животными, другие варят на ужин пилав—кушанье, состоящее из мяса и риса. Ужин съедается за час до выступления.

Доля дервиша в таких случаях бывает лучше, так как он ни о чем не заботится, и лишь только караван прибывает на место, дервиш тотчас же ложится в тень и отдыхает. Когда же аппетитный запах, распространяющийся из котла, уведомляет его о приготовлении ужина, он тотчас же встает, берет свой „кешкул“ (посудину, приготовленную из скорлупы кокосового ореха) и отправляется собирать дань с ужинающих. Он обходит кругом все группы и от каждой получает несколько кусочков. Смешав все это вместе, он съедает свой ужин с большим аппетитом. Народ на Востоке говорит про дервиша: „Он ничего не несет с собой, а между тем он все-таки питается. Бог дает ему пищу“.

Нам надо было пересечь пустыню во всю длину, чтобы достигнуть следующей станции. Ночное безмолвие действует особенно подавляющим образом в такой пустыне. Путешественник не видит ничего, на чем бы мог остановиться его взор, Только изредка поднимаются колонны песка, гонимые ветром

и передвигающиеся с места на место, словно темные призраки.

Я несколько не удивляюсь, что эти скользят тени принимаются робкими и суеверными жителями за злых духов, странствующих в пустыне. Мой компаньон, повидимому, принадлежал к таким суеверным людям, потому что, плотно повязав свой плащ вокруг тела, он стал держаться около самой многолюдной части каравана и ни за что на свете не решался даже бросить взгляд на пустыню, простирающуюся к востоку.

Около полуночи мы услышали звук колокольчиков, и когда я спросил, что это значит, то мне объяснили, что это большой караван, выступивший за час до нас. Он теперь находится перед нами. Наш караван ускорила движение, чтобы обогнать его, но мы едва успели пройти сто шагов, как в воздухе распространилась невыносимая вонь, как от разлагающихся трупов. Персы, очевидно, знали причину этой ужасающей вони и только молча поспешили вперед. Но трупный запах усиливался по мере того, как мы поднимались. Мое любопытство было возбуждено, и обернувшись к своему ближайшему соседу, я снова спросил его, что это такое? Он коротко ответил мне, обнаруживая при этом сильную тревогу:

— Торопитесь! Торопитесь! Это караван мертвых. Этого было достаточно, чтобы заставить меня погнать вперед своего усталого осла, и через несколько минут я и мои спутники уже были возле каравана мертвых, состоящего из сорока животных, лошадей и мулов, под предводительством трех арабов.



Трапеза дервишей.

Спины животных были нагружены гробами, и мы употребили все усилия, чтобы поскорее миновать эту ужасную процессию. Проезжая мимо одного из всадников, который должен был провожать этот караван, я взглянул на его лицо. На него было страшно смотреть. Глаза и нос были покрыты какими то тряпками, а его смертельно бледное лицо казалось в лунном освещении особенно зловещим. Невзирая на невыносимый трупный запах, я все-таки подъехал к нему и спросил его о подробностях его путешествия.

Араб сообщил мне, что он находится в пути уже десять дней и что тут должны пройти еще двадцать таких караванов, увозящих мертвецов в Кербелу, — такое место, где каждый правоверный шиит, поклоняющийся Гуссейну, желает спать вечным сном.

Этот обычай распространен во всей Персии, и каждый перс, если только его средства позволяют это, непременно делает распоряжения, даже если он живет в далеком Хорассане, чтобы его смертные останки были перевезены в Кербелу, где покоится прах его возлюбленного Имама Гуссейна. Иногда проходит два месяца, прежде чем мертвое тело достигнет места погребения. Один мул порой везет четыре гроба. Зимой такая перевозка мертвецов сравнительно не столь ужасна, но летом, в знойном июле, в Персии, караван мертвых оказывает свое пагубное действие как на людей, так и на животных.

Когда мы отъехали на некоторое расстояние от него, я оглянулся назад на эту странную погребальную процессию. Животные со своим мрачным грузом

шли, низко опустив свои головы, как будто они хотели запрятать свои ноздри поглубже в грудь, а всадники, на лошадях, отъехав на порядочное расстояние, побуждали их громкими криками ускорить шаг. Это было такое зрелище, которое должно было бы всюду произвести ужасное впечатление, но в центре пустыни, ночью, в призрачном освещении луны, оно невольно заставляло содрогаться даже самых неустрашимых.

ГЛАВА VI

КАРАВАН. — ГОРОД КУМ. — ЛЮБИМОЕ МЕСТО ПОГРЕБЕНИЯ ЖЕНЩИН. — БЛАГОЧЕСТИВЫЕ ПРИНОШЕНИЯ. — ИСФАГАНЬ. — ОСТРОУМИЕ ЖИТЕЛЕЙ ИСФАГАНИ. — ГУБЕРНАТОР И КУПЕЦ. — ДРОЖАЩИЕ МИНАРЕТЫ. — СОЕДИНЕНИЕ ТРЕХ КАРАВАНОВ. — ТРУСОСТЬ ПЕРСОВ. — ДЕЙСТВИЕ ПЕСЕН. — УДАРЫ В ГРУДЬ. — ГОРОД ПУСТЫНИ. — ФАРСИСТАН. — ХИТРЫЙ НИЦКИЙ. — ШИРАЗ. — МОЙ ВИЗИТ К ДОКТОРУ-ШВЕДУ. — ХАРАКТЕР ЗРИТЕЛЕЙ. — МОГИЛЫ ПОЭТОВ. — ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ.

Мы уже три дня путешествовали вместе в нашем маленьком караване, и этого короткого времени оказалось вполне достаточно, чтобы между нами установились самые дружеские и товарищеские отношения. Впрочем, никто из моих спутников не имел ни малейшего подозрения, что я один из тех европейцев, одно прикосновение к которым оскверняет шиита и есть с которым с одного блюда уже составляет капитальный грех.

В их глазах я был просто эффенди из Константинополя, гость турецкого посольства, побуждаемый своей страстью к путешествиям и желающий посетить Исфагань и Шираз—этот земной рай. Я быстро заключил дружбу с большинством нашей компании, хотя некоторые из самых закоснелых шиитов не могли

удержаться, чтобы не перечислять мне от времени до времени всех многочисленных злодеяний суннитов. В особенности не давал мне покоя один башмачник, большой зеленый тюрбан которого указывал, что он потомок Али. Наиболее мирные члены нашей компании старались его успокоить и перевести разговор на другие темы, когда он начинал приставать ко мне. Но он вскоре опять возвращался к прежнему и так горячился по поводу события, которое произошло 1200 лет тому назад, как будто все это совершилось только накануне.

На четвертый день мы увидели зеленые куполы города Кум. Это священный город для персидских женщин, потому что там, среди 444-х персидских святых, покоится прах Фатьмы, сестры Имама Риза (святого), которая, желая повидаться с братом, предприняла с этой целью путешествие из Багдада в Мешхед, но по дороге, в Куме, заболела и там умерла. Кум, подобно Кербеле, представляет любимое место погребения для персидских женщин, и поэтому мертвые тела их перевозятся сюда из разных мест страны. Кум, кроме того, служит убежищем для многочисленных преступников. Кто был настолько счастлив, что избежал рук палача и укрылся в священных стенах Кума, тот может уже считать себя в полной безопасности.

Каждый член нашего каравана жаждал посетить Кум. Некоторые хотели принять участие в покаянных процессиях пилигримов, другие же намеревались сделать там покупки и устроить кой-какие дела. Окрестности, на значительном расстоянии от города,

подобно всем местам, которые посещаются богомольцами, были усеяны маленькими кучами камней, воздвигнутыми благочестивыми пилигримами под звуки священных гимнов. Местами можно было видеть какой-нибудь кустарник, увешанный самыми яркими тряпками, и это также являлось доказательством поклонения святому месту.

Каждый из пилигримов непременно хочет оставить тут какой-нибудь знак своего пребывания: одни пользуются для этого камнями, другие же разноцветными тряпками. Рассказывают, что в прежние времена путешественники отдавали дань поклонения святому месту, вколачивая гвоздь в какое-нибудь дерево по дороге. Я тоже сошел с седла и повесил на одном кусте красную шелковую кисточку со своего головного убора.

Что за удивительную коллекцию фабричных изделий всего мира можно найти на этих кустах! Я видел там драгоценные ручные работы из Индии и Кашмира, а также изделия фабрик Англии и Америки, скромные материи и грубый холст кочевых туркмен, арабов и курдских племен. То и дело взоры приковывала какая-нибудь великолепная шаль, висящая на ветвях кустарника и, вероятно, возбуждающая алчность многих проходящих мимо пилигримов. Но никто не осмелится прикоснуться к такому знаку благочестия, так как это считается преступлением и величайшим святотатством.

Прежде чем достигнуть города, мы должны были проехать кладбище необыкновенных размеров, имеющее в длину почти две английские мили. Мои спут-

ники, заметив мое удивление по поводу таких огромных размеров кладбища, сказали мне, что в этом отношении оно далеко остается позади кладбища в Кербеле.

Наконец, мы приехали в Кум и остановились в каравансарае в центре базара. Я с удовольствием узнал, что мы тут останемся два дня. Но, как благочестивые пилигримы, мы не позволили себе долго отдыхать и, вскоре по прибытии в город, вымывшись и почистив платье, отправились к святой могиле. Ни один европеец до меня не проникал в это святилище, потому что никакая сила на земле не могла бы доставить доступ в него иностранцу.

Бесчисленное множество сеидов, которые охраняют могилу своей „первой прародительницы“, Фатьмы, расположились лагерем в наружном дворе, усаженном деревьями; во внутреннем же дворе, в центре, возвышается часовня с богато вызолоченным куполом. Двенадцать мраморных ступеней ведут к двери. Пилигримы снимают башмаки у первой ступени, от них отбирают оружие и палки, и лишь после того, как они поцелуют мраморный порог, им дозволяется войти. Вступившего туда должно поразить богатство и великолепие внутреннего убранства часовни. Гробница окружена толстой серебряной решеткой и всегда покрыта драгоценным ковром. Кругом, на загородке, висят дощечки, на которых написаны молитвы, и верующие либо сами читают их, либо заставляют сеидов прочитывать их себе. Сеиды постоянно шатаются здесь.

Часовня наполнена криками, плачем, стонами, пением и воплями просящих подаяния сеидов, но

этот адский шум не препятствует набожным пилигримам бормотать тихие молитвы, прислонившись лбами к холодным перекладинам загородки и вперив глаза в гробницу. Я восхищался множеством драгоценных вещей, богатых украшений из жемчуга и брильянтов, оружия, отделанного золотом, составляющих приношения верующих, положенные на могилу святой Фатьмы.

Мой багдадский костюм оскорблял взоры многих фанатиков шиитов в этой толпе, собравшейся у священной могилы, но благодаря моим товарищам путешественникам я не испытал никаких неприятностей. Пилигримы часто идут отсюда поклоняться могилам других великих людей, и я последовал за своими товарищами к могилам Фет Али-шаха и его двух сыновей, пользующихся почему-то особенным почетом у набожных людей. Гробница была сделана из чистого алебастра.

Мы выехали из Кума на третий день и после двух дней утомительного пути прибыли в Кашан, но там пробыли недолго, только для того, чтобы отдохнуть и побывать на базаре, и отправились дальше через узкое горное ущелье, по бокам которого возвышались скалы и горы самых фантастических очертаний. Луна ярко светила и придавала какую-то волшебную красоту окружающей местности, вид которой и окраска, казалось, менялись с каждым нашим шагом. Мы подъехали к Великому изгибу, где находился огромный бассейн, проделанный в скале. В этот бассейн стекают воды, происходящие от таяния снегов в горах, и затем текут в бесплод-

ную равнину недалеко оттуда. Сцена, которая представлялась тут нашим глазам, была исключительна по своей необыкновенной красоте. Бассейн овальной формы был полон воды до краев; несмотря на позднюю осень, и водопад, падающий с высоты пятидесяти футов, сверкал, точно река из брильянтов, при лунном освещении. Шум водопада слышен был издалика, давая знать усталому путешественнику, едущему из пустыни, что он может утолить свою мучительную жажду чистой, кристально прозрачной водой бассейна.

Дорога некоторое время шла в гору, затем круто опускалась по направлению к равнине, лежащей по другую сторону горы, где должна была находиться наша следующая станция. Утра становились уже прохладными, и путешественники останавливались, чтобы набрать ветвей смолистого кустарника, который хорошо горит и в зеленом состоянии, а сухой вспыхивает с громким треском и ярко пылает. Путешественники набирают большую кучу этих ветвей, поджигают их и садятся вокруг пылающего костра, Нам пришлось в одно утро два раза останавливаться по дороге в Исфагань и разводить такой костер.

Я увидел Исфагань сквозь легкий утренний туман. Эта прежняя великолепная столица шаха Аббаса Великого, в 18-м веке, уже не представляет теперь „полмира“, как некогда говорили про нее, восхваляя блеск ее зданий, богатство ее промышленности и красоту ее садов. Наибольшая часть пространства, заключающаяся внутри городской стены, имеющей 37 километров в окружности, теперь почти необи-

таема. Дворцы, мечети и базары, где в былые времена теснилась многотысячная толпа, представляют теперь груды развалин; шакалы и лисицы устраивают себе логовища среди обломков минувшего величия. Войны, опустошившие страну, и, наконец, перенесение столицы государства в Тегеран совершенно разорили город, и с тех пор там не раз случались голодовки. Однако, базар в Исфагани, как и во всяком восточном городе, все-таки отличается большим оживлением, и многочисленные станки ткут там прекрасные бумажные и шелковые материи и выделывают ковры.

Я заметил, что средние классы в Исфагани были замечательно образованы. Я видел там башмачников, портных и лавочников, которые знали наизусть сотни стихов своих лучших поэтов и вообще были основательно знакомы с литературой своей страны. Жители Исфагани отличаются умом, сметливостью, остроумием и находчивостью. Один английский писатель, знаток Персии, рассказывает по этому поводу следующее:

„Это было в то время, когда большинство высших должностей в персидских городах были заняты родственниками визиря Хаджи Ибрагима. Губернатором Исфагани был его брат. Однажды губернатор призывал к себе одного купца, который не в состоянии был уплатить налоги, и стал бранить его.

— Если ты не в состоянии платить, как другие, так убирайся вон из города! — закричал на него губернатор.

— Куда же я пойду? — спросил купец.

— Ступай в Шираз или в Кашан.

— О господин, это значило бы попасть со скорородки прямо в огонь! Ведь в одном городе губернатором— твой двоюродный брат, а в другом— твой дядя!

— Тогда ступай к шаху и жалуйся ему!

— Это тоже мне не поможет. Ведь твой брат там первый министр!

— Ну, так убирайся в ад!— зарычал на него вышедший из себя губернатор.

— О господин, ведь твой святой отец, благочестивый Хаджи, умер совсем недавно!— ответил остроумный перс.

Губернатор на мгновение растерялся и замолчал, а потом разразился смехом и сказал:

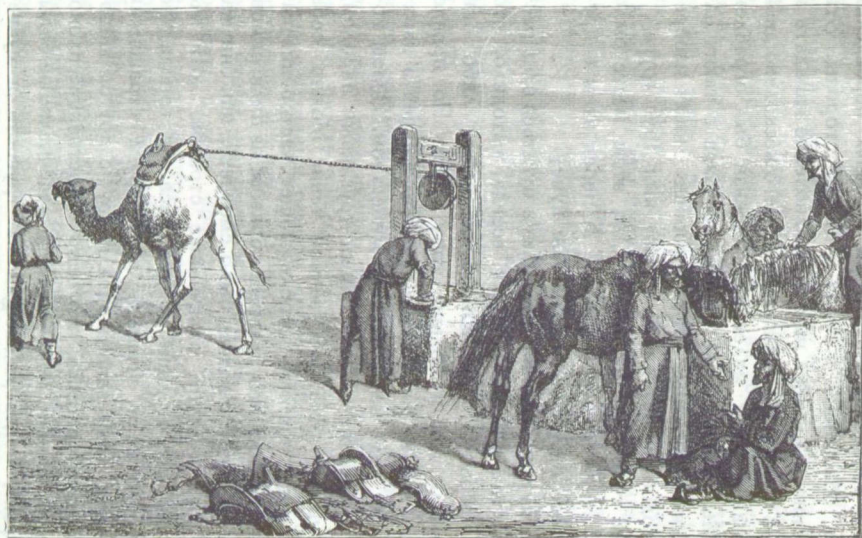
— Ну что ж, если уж тебе так трудно поладить с моими родственниками, то нечего делать, придется мне платить за тебя твои долги“.

Я занимал в Исфгани помещение вместе со своим товарищем, певцом чувствительных элегий. Он распевал их несколько раз в течение дня на базаре и во дворах мечетей, исторгая обильные слезы у своих слушателей и сам при этом проливая их. Это были совершенно искренние слезы, вызванные у него его же собственным пением. Но когда он возвращался домой после своей трудной дневной работы, то снова становился необыкновенно веселым малым, блещущим остроумием. Я познакомился через него с самыми разнообразными людьми и довольно смешанным обществом, где он бывал. Но он умел внушить к себе уважение. Он начинал обыкновенно с пения священных песен, а затем переходил к песням свет-

ского характера, и хотя он носил зеленый тюрбан, в доказательство того, что был потомком пророка, тем не менее трезвость не принадлежала к числу его качеств.

Я пробыл в Исфагани две недели и видел много интересного. К числу достопримечательностей города принадлежат так называемые „дрожащие минареты“, которые находятся в деревне Калидан, на расстоянии одного часа от Исфагани. Эти минареты, вышиной около пяти метров, стоят справа и слева мечети. Каждый из них может быть приведен в движение толчками одного человека, и, стоя на террасе со своим проводником, я явственно почувствовал, когда он толкнул одну башню, что задрожала не только другая башня, но и все здание, точно под влиянием землетрясения. Верующие приписывают это явление чудодейственной силе святого, погребенного под куполом мечети. Один французский ученый утверждает, что это явление зависит от существования связей из бревен или срубов, к которым прикреплены минареты—башенки очень легкой постройки и легко вертящиеся на внутренней оси. Но во всяком случае секрет постройки этого замечательного здания унесен в могилу его строителем.

Мы заключили соглашение с тем же самым проводником каравана, который привез нас сюда, и в назначенный день почти вся наша компания собралась в каравансарае за городом. Наш караван очень увеличился, так как к нам присоединились еще два других каравана, и потому он состоял теперь из 150 животных и около 60 человек.



Колодец в пустыне.

Соединение трех караванов в один было вызвано страхом нападения некоторых кочевых персидских племен, обитающих в горах с правой стороны. Эти разбойничьи племена имели обыкновение нападать и грабить небольшие караваны, и всего несколько дней тому назад один маленький караван был ограблен ими. Мы слышали уже много рассказов о таких нападениях. Восточные жители вообще любят изобретать подобные истории и пугают ими друг друга.

Мне говорили, например: „На этом месте было убито вчера десять человек.“ А перед этим в другом месте был убит и ограблен купец.

Но путешественник не должен пугаться этих рассказов, так как на поверку всегда выходило, что таких событий либо совсем не было, либо они произошли год и больше тому назад. По правде сказать, нам не надо было таких товарищей в караване, они ведь не отличались мужеством. Персы вообще считаются в Азии самым трусливым народом, пугающимся даже собственной тени. Можно себе представить поэтому преобладающее настроение каравана, состоящего, главным образом, из пилигримов, купцов и мулл. Забавно было смотреть, как они жались друг к другу, охваченные страхом, хотя мы отъехали всего лишь на два часа от города, но они продолжали угощать друг друга страшными историями. Они разговаривали друг с другом шопотом, словно опасаясь, что одно единственное слово, сказанное громко, может навлечь неисчислимые беды. Вот факт, подтверждающий их трусость и суеверие.

К нашему каравану присоединился один человек, который должен был перевезти груз вина на своих четырех мулах. И вдруг, по требованию одного благочестивого муллы, он должен был покинуть караван, так как мулла говорил, что такой „греховный“ груз может навлечь несчастье на всех. Напрасно он молил оставить его в караване, утверждая и клянясь, что он в жизнь свою не проглотил ни единой капли вина и только перевозит этот гнусный напиток в Бомбей, где его будут распивать безбожники иностранцы. Он призывал в свидетели всех святых мусульманского календаря, что ему даже неизвестно какого цвета вино, красное или белое? Ничто не помогало. Он должен был все-таки покинуть караван и ехать на расстоянии, по крайней мере, ста фугов от него.

На следующий день мы приехали в деревню Кумишех, находящуюся по близости того места, о котором нам понаказали так много страшных историй. За час до нашего отъезда мой приятель араб, певец священных гимнов, решил собрать всех своих спутников и спеть им одну из своих элегий для того, чтобы призвать на караван покровительство пророка, в виду предстоящего опасного переезда через такое место, которое пользуется столь дурной славой. На самом же деле он, конечно, главным образом, имел в виду те монетки, которые перепадут ему в карман от верующих людей. Предложение „равшекана“ (певца священных гимнов) было с радостью принято всеми. Персы-шииты во всякое время готовы оплакивать смерть своего любимого

пророка и святого, замученного Гуссейна. Они могли только что веселиться самым искренним образом и тотчас же вслед за этим проливать обильные слезы, слушая грустные песни по поводу смерти Гуссейна. Наш багдадский певец был тотчас же окружен слушателями, и не успел он закончить четвертую песнь, как тотчас же начались кругом такие вопли и рыдания, точно умер кто-нибудь из самых близких людей. Певец обыкновенно пользуется таким моментом, чтобы подняться, разорвать на груди одежду и, сжав кулаки, крикнуть:

— О вы, истинно верующие! Я ударяю себя в грудь в знак преданности Гуссейну и печали о нем. Да, я делаю это ради Гуссейна!..

Все мужчины нашего каравана повторили хором его последние слова и стали ударять себя в грудь своими железными кулаками. Звук этих ударов, сыпавшихся на грудь, правильным образом напоминал топот лошадиных копыт, как будто к нам приближался отряд всадников. Все находящиеся в караване принимали в этом участие и я, как дервиш, тоже не мог уклониться. Однако какой-то благочестивый шиит заметил, что я наношу удары в свою грудь не с достаточной силой и, прислушавшись к моим ударам, вдруг крикнул:

— Посмотрите на эту суннитскую собаку! Он, должно быть, находит, что наш Гуссейн не достоин того, чтобы он ударял себя в грудь сильнее? Но подожди, собака! Я покажу тебе, как надо наносить удары!..

Он бросился ко мне с поднятым кулаком и если б за меня не заступились мои приятели, то, пожалуй,

мне пришлось бы плохо. Один из них во-время отвел его руку и успокоил его, говоря:

— Оставь суннита в покое! Если он не бьет себя по груди как следует при жизни, то Азраэль (ангел смерти) будет тем сильнее бить его в будущем мире.

Дело кончилось миром, и мы продолжали путь, благополучно миновав опасное место. Страна вокруг нас становилась все более и более плоской. Пустыня, где находился знаменитый город Иезд, простиралась к востоку. Иезд, в полном смысле этого слова,—город пустыни; пустыня окружает оазис, где растут шелковичные деревья и лежит город и пригородные селенья. В некоторых местах пустыня начинается у самых ворот Иезда; песок скопляется у стен, ветер кружит его и переносит за городскую ограду, поэтому целым кварталам угрожает опасность исчезнуть с лица земли, быть засыпанными песком. Такая участь постигла первый город того же имени и некоторые другие города, от которых остаются только развалины, выглядывающие из-под слоя песка, покрывающего их. В виду того, что город Иезд осаждался песками, жители его вынуждены сберегать воду с величайшею заботливостью. Все резервуары для воды находятся под землей и к ним спускаются по ступеням, в роде лестниц.

Проехав Иезд, мы вступили в Фарсистан, провинцию южной Персии, которая имеет наибольшее историческое значение. Здесь была колыбель персидской монархии и находится гробница Кира, персидского царя, а также развалины Персеполя, древней столицы Персии.

Жители Фарсистана несколько отличаются наружностью от других жителей Персии. Цвет лица у них темнее, нрав более живой, и они обладают более быстрым умом. Большинство жителей тут извлекает свои средства к жизни из караванов, проходящих через их страну.

Наша первая остановка была в Шульгистане, который пользуется известностью, потому что там находится могила одного святого. Среди народа распространен следующий рассказ про эту могилу: несколько времени тому назад враги сделали нападение на эту могилу, и все они были поражены слепотой, когда ворвались в святилище. Слепой нищий находился у ворот часовни, когда мы пришли туда, и нам сказали, что он принадлежит к шайке разбойников, напавших на гробницу. Пораженный слепотой, он решил остаться у гробницы и кончить в раскаянии и молитве свои дни.

Мне захотелось однако расспросить об этом самого слепого, и он сознался мне, что его слепота происходит от другой причины, и что он никогда не имел никаких сношений с шайкой разбойников, но теперь охотно выдает себя за одного из них, наказанного богом, так как это дает ему возможность получать милостыню от верующих.

Мы двинулись дальше и ночью повстречались на дороге с несколькими маленькими караванами, преимущественно состоящими из пилигримов, путешествующих либо в Кербелу, на запад, либо в Мешхед, на восток. В Персии число таких пилигримов, отправляющихся на поклонение к святым местам,

доходит до нескольких сот тысяч в год, в особенности, весной и осенью. Оживленное движение на персидских дорогах, главным образом, зависит от этих благочестивых путешественников. Нередко даже между этими богомольцами встречаются дети десяти лет от роду и старухи лет восьмидесяти.

Если на дороге встречаются два таких каравана, то обыкновенно те, которые возвращаются, говорят пилигримам, отправляющимся к святым местам: „Молитесь за нас!“—и получают ответ: „Да будет благословенно ваше паломничество!“

И те и другие бывают при этом очень растроганы и всегда в таких случаях обнимают друг друга. И в тиши ночной раздается пение священных гимнов.

В деревне, в которой мы остановились, я увидел караван, состоящий преимущественно из пилигримов, возвращающихся из Кербелы. Этот караван выступал вскоре после полуночи, и я присоединился к нему, потому что мне хотелось поскорее достигнуть Шираза. Караван отправлялся в Церкум, находящийся недалеко от Шираза, но остановился на ночь вблизи от этого места, потому что пилигримы хотели дать время своим родственникам и друзьям, которым они послали извещение о своем прибытии, приготовиться к их торжественному приему.

По мере того как мы приближались к деревне, нас встречали на дороге толпы людей и не было конца пожатиям рук, объятиям и поцелуям! Каждый пилигрим, возвращавшийся из Кербелы, куда он ездил на поклонение, был непременно окружен

группой деревенских жителей, и не только ему, но и его ослу была устроена самая торжественная встреча. Когда мы шли по улицам деревни, я не мог не удивляться тому, с каким терпением пилигримы переносили все эти нескончаемые овации, объятия и поздравления. Некоторые из них, в особенности, более толстые, буквально обливались потом вследствие бесчисленных объятий, которые они должны были претерпевать на каждом шагу.

Я уехал из этой деревни в компании с чарвардом (собственником вьючных животных) и вместе с ним и его людьми отправился в Шираз. Оказывается, что они все были уроженцами Ширази, но так как довольно долго были в отсутствии, то теперь жаждали поскорее вернуться в свой родной город. Каждый перс обыкновенно восторженно отзывается о своем родном городе, но эти люди превзошли в своем прославлении Ширази все, что я слышал до сих пор о нем, поэтому мое нетерпение увидеть поскорее этот город—родину величайших персидских поэтов Саади и Гафиза—возрастало все больше и больше.

Но я был несколько разочарован видом окрестностей. Мрачные, обнаженные скалы возвышались с каждой стороны, и нигде я не видел ни малейшего признака растительности, а между тем мои спутники утверждали, что мы находимся совсем близко от Ширази.

Наконец я его увидел! Шираз, стоящий посреди кипарисовых рощ, вдруг открывается взорам при повороте ущелья. Вид садов, кипарисовых аллей,

блестящих куполов мечетей и равнины постепенно поднимающейся к основанию снеговых гор, заставляет путешественника, который долго видел впереди только суровые скалы и бесплодную пустыню, невольно вскрикнуть от изумления и восторга.

Долина Шираза ограничена естественными стенами скал с севера и юга, и среди всех городов Персии Шираз славится своим климатом, плодородием почвы и чистотой воздуха. Плодородие Шираза, главным образом, зависит от обилия воды, поэтому город утопает в роскошной растительности; розы и другие цветы цветут там круглый год.

Жители Шираза так восхищаются своим городом, что у них даже сложилась поговорка: в „Исфагани есть ученые и артисты, но танцоров, певцов и пьяниц вы увидите только в Ширазе!“ И действительно, я не знаю ни одного города в Персии, жители которого были бы так жизнерадостны и веселы, как в Ширазе.

Я решил пожить подольше в этом прекрасном городе, поэтому стал искать себе квартиру на большом дворе мечети. Я продал своего осла, и хотя средства, которые я взял с собой, значительно сократились, но я не очень беспокоился о будущем, вследствие обилия и дешевизны пищевых припасов в Ширазе.

Верный своему званию дервиша, я отправился бродить по городу в первый день приезда и познакомился со множеством разных людей. Большинство моих знакомых были ревностные шииты, и поэтому они не упускали случая при встрече со мной

осыпать проклятиями злодея Омара и его приверженцев, но видя, что я кротко и терпеливо переношу это, они делались более снисходительными ко мне, и в конце концов мы стали большими друзьями.

Я узнал от них, что в городе живет европеец, швед, и занимается практикой в качестве врача. Моя любовь к приключениям побудила меня тотчас же нанести ему визит, но я все же решил из предосторожности явиться к нему как дервиш. Когда я вошел в его комнату и произнес обычное приветствие дервишей: „Я-ху! Я-хакк!“, добряк доктор немедленно засунул руку в свой карман, чтобы достать оттуда несколько монет и отделаться таким образом от назойливости дервиша.

— Как, ты хочешь дать мне деньги?—вскричал я с негодованием.—Я пришел к тебе, чтобы снискать твое доверие, а не деньги. Я пришел из очень далекой страны. Я послан к тебе моим вождем, чтобы обратить тебя на истинный путь, заставив отказаться от ложной веры. Шейх Багдада поручил мне сделать из тебя мусульманина.

Доктор, видимо, очень удивленный таким обращением к нему, не мог, однако, удержаться от улыбки.

— Это все прекрасно, милый дервиш,—сказал он,—но не в обычае теперь обращать кого-нибудь в свою веру таким повелительным образом. Надо действовать убеждением, влиянием и красноречием. Как ты можешь доказать мне, что твой глава послал тебя ко мне и что он может творить чудеса?

— Ты сомневаешься в этом? Так вот, я скажу тебе, что одного слова моего вождя достаточно,

чтобы одарить, кого он захочет, знанием всех наук и всех языков в мире. Ты иностранец и говоришь, вероятно, на многих языках. Испытай меня в этом отношении и заговори со мной, на каком хочешь чужом языке,—ответил я.

Доктор пристально посмотрел на меня и мне было очень трудно сохранить при этом хладнокровие. Он подумал с минуту и, наконец, обратился ко мне на своем родном языке.

— Это шведский язык!—воскликнул я.—Я знаю этот язык так же хорошо, как ты сам!

И в доказательство я продекламировал ему несколько стихов из одной шведской поэмы, которая была моим любимым чтением в юности. Я живо припомнил ее в эту минуту.

Удивлению доктора не было границ. Он попробовал заговорить со мной по-немецки, и к его изумлению я также быстро отвечал ему и на этом языке. Не удалось ему поставить меня в тупик и тогда, когда он прибегнул к другим языкам, к французскому и английскому. Он был, видимо, поражен этим. После того, как мы обменялись с ним несколькими словами на разных языках, я снова вернулся к персидскому языку и с большим чувством произнес несколько стихов из Корана ради спасения его души. Бедняга совсем растерялся, но когда он стал пытаться разгадать мою национальность, я быстро поднялся и коротко объявил ему:

— Я даю тебе время поразмыслить над тем, что я тебе говорил, до восьми часов утра завтраш-

него дня. Или ты сделаешься мусульманином, или ты испытаешь на себе могущество моего вождя!

Я вернулся в свое жилище, но едва успел встать на другой день, как доктор уже ждал меня. Его любопытство было так сильно возбуждено, что он не в состоянии был дожидаться моего прихода и сам пришел ко мне. Сначала я продолжал свою игру, но в конце концов сбросил маску и открыл ему, кто я такой. Доктор чрезвычайно обрадовался, и мы тотчас же обнялись с ним, как два родные брата.

— Я сразу подумал, что вы европеец, — сказал он, — но ваш персидский язык и знание Корана сбили меня с толку.

Он расспрашивал меня о Тегеране, о моих знакомых там, и после того как мы с ним проговорили несколько времени, он настоял на том, чтобы я собрал свои вещи и последовал за ним в его квартиру. Он хотел, чтобы я жил у него, как его гость, столько времени, сколько захочу.

Я согласился на его милое предложение и своим персидским друзьям заявил, что остаюсь у доктора для того, чтобы получить от него сведения в алхимии, так как всем известно, что он раньше занимался этой наукой. Притом же моя жизнь с ним не казалась им такой уж странной еще и потому, что европейцы в Ширазе усвоили себе персидский образ жизни.

Я переселился к нему и провел шесть чрезвычайно приятных недель в гостеприимном доме доктора. Большую часть своего времени я употребил на то, чтобы изучать обычаи, образ жизни и ха-

рактер жителей Шираза, и больше всего меня поражала их необычайная возбудимость и раздражительность. Каждый из них непременно имел при себе на поясе обоюдоострый искривленный кинжал и готов был пустить его в ход при малейшем разногласии. Пожалуй, в Персии не найдется другого такого города, где бы столько губилось жизней столь беспечным образом.

Однажды я сам был свидетелем подобного случая: по узкому боковому проходу на базаре гордо выступал какой-то богато одетый перс, а в это время другой перс шел навстречу ему и, как это часто бывает в случае поспешности, растерявшись, не посторонился во-время и не знал, куда ему свернуть, направо или налево, чтобы обойти идущего навстречу важного перса. Этот последний, очевидно, принадлежащий к высшему обществу, не раздумывая долго, выхватил свой кинжал и смертельно ранил беднягу перса, не успевшего сразу посторониться.

Все это произошло среди белого дня, в присутствии тысяч народа, и поэтому можно себе представить, какие страшные вещи случаются в темноте, в ночной тиши! Ежедневно приходится слышать рассказы о таких ужасных вещах, от которых волосы становятся дыбом, но, правду сказать, и само правительство, карая виновных, не отстаёт в жестокости от своих подданных. Казни, назначаемые им, поистине ужасны.

Из трех знаменитейших поэтов Персии, Гафиза, Саади и Фирдуси, два первые—уроженцы Шираза, и каждый перс, проезжая через Шираз, считает сво-

им священным долгом посетить их могилы. Конечно, я тоже совершил это паломничество в сопровождении своего хозяина. Могила Саади находится за городом в уединенном ущельи долины Шираза и окружена прелестным маленьким садом. Его замечательное произведение „Гюллистан“ (Розовая роща), написанное попеременно стихами и прозой в 1258 году, до сих пор читается с восторгом не только в Персии, но и во всем мусульманском мире в Азии, в Китае и в Африке. В мусульманских школах „Гюллистан“ составляет основу воспитания и является настольной книгой каждого образованного перса.

Жизнь этого замечательного персидского поэта изобилвала всякого рода приключениями... Известно, что он был дервишем и муллой-проповедником в Дамаске, благодаря своему превосходному знанию арабского языка. Он много раз побывал в Мекке и ходил туда большею частью пешком, был в плену у крестоносцев, был рабом и слугой, а затем сделался прославленным ученым и пользовался всеобщим почетом и уважением. Он много странствовал, побывал в Индии и в Африке и, наконец, пройдя через всю Малую Азию, вернулся в родной город Шираз, где поселился в пригородном монастыре и жил там до конца своих дней.

В одной из комнат мавзолея, построенного на его могиле, я встретил какого-то седовласого человека весьма почтенного вида. На голове у него была шапка дервиша, составлявшая контраст с его одеждой. Он сам поспешил заговорить со мной, и я узнал от него, что он уроженец Индии, отказавшийся от

своего положения и богатства на родине и приехавший сюда, чтобы провести остаток дней своих у могилы великого поэта, которому он поклоняется.

Могила другого поэта, Гафиза, находится на большом кладбище, и на мраморной плите, покрывающей ее уже пять веков, начертаны золотыми буквами две из его поэм.

Я провел три месяца в Ширазе, и мне так понравился этот город, что я уже начал раздумывать, не остаться ли мне там на зиму, вместо того, чтобы ехать в Тегеран, и уже оттуда, когда придет весна, отправиться, через Иезд и Теббес, в Хорассан. Но приезд в Шираз двух европейских путешественников, француза и итальянца, перевернул мои планы. Мой друг доктор пригласил их к себе и устроил для них роскошное угощение. Итальянец намеревался остаться в Ширазе, восхищенный его превосходным, мягким климатом, но француз отправлялся дальше, в Тегеран, и предложил мне сопутствовать ему. Я вынужден был согласиться на его любезное приглашение, так как все мои ресурсы уже пришли тогда к концу, и путешествие назад в его обществе представляло для меня некоторые преимущества.

Французский путешественник Рошшуар оставался еще три дня в Ширазе, и затем мы должны были форсированным маршем двинуться в Тегеран. В день своего отъезда я пришел проститься с доктором. Он лежал еще в постели, в верхнем этаже своего дома, и я сел около него. Мы говорили о возможности нашей будущей встречи, и когда я упомянул о своей поездке в Туркестан, то глаза его наполнились

слезами. Он находил мои планы рискованными. Я был глубоко тронут его добротой и дружбой ко мне. Мы крепко обнялись. Я в последний раз взял его руку, и вдруг почувствовал какой-то странный толчек, как будто зашатался весь дом. Я взглянул на доктора и увидел, что он смертельно побледнел.

— Скорее, скорее!—крикнул он.—Пойдем, позове-
м мою жену и детей! Это землетрясение! В Ши-
разе землетрясения бывают ужасны, особенно, если
подземные удары начинаются рано утром.

Мы быстро позвали его жену и детей, и когда
мы стали спускаться по лестнице в маленький дво-
рик, то услышали подземный гул, приближающийся
к нам, и казалось, земля готова была разверзнуться
под нашими ногами. Второй удар был еще сильнее
первого. Высокие стены и окружающие здания за-
шатались с громким треском.

Я взглянул наверх, на небо, и в это время услы-
шал громкие крики: „Ях-Аллах! Ях-Аллах!“ Эти крики
неслись со всех сторон города. Жители Ширази
прекрасно знают, какие ужасные последствия имеют
такие землетрясения. В течение нескольких секунд
мы стояли, словно остоленевшие и как бы парали-
зованные страхом. Но к доктору вскоре вернулось
присутствие духа, и он сказал мне:

— Мы находимся здесь в очень узком месте.
Если эта стена рушится, то мы все будем погребены
под нею. Возьмите мою жену и детей и отведите
их в ближайшее более свободное место. Я же оста-
нусь здесь, иначе толпа может воспользоваться общей
паникой и начнет грабить дом.

Я собирался возразить ему, но доктор посмотрел на меня таким умоляющим взглядом, что я, не говоря больше ни слова, взял за руки его дрожащую жену и детей и увел их с собой.

Мы прошли через узкую аллею, наполненную смертельно перепуганной толпой. Открытая площадка, которой мы достигли спустя несколько минут, представляла уже полную картину сильнейшего смутения и ужаса. Женщины и дети лежали прямо на земле. Некоторые были в обмороке, другие стонали, плакали и рвали свои волосы. Многие выбежали из дома, полуодетые или даже совсем без одежды, словно они только что выскочили из ванны.

Достаточно было нескольких минут, чтобы обезумел весь город. А в это время, среди всеобщей суматохи, криков и стонов, расхаживали муллы, повторявшие, что виной всему иностранцы, проживающие в городе, которые навлекли на него это бедствие. Я уже стал бояться за безопасность моего друга и потому пошел назад так скоро, как только мог. Когда я достиг двора, то заметил, что птицы в беспокойстве летают над нами и хлопают крыльями, что было несомненным предвестником нового удара. И действительно, очень скоро мы услышали глухой подземный гул и земля заколебалась под нашими ногами. Удары стали настолько сильными, что, несмотря на все усилия удержаться на ногах, мы все-таки потеряли равновесие и, желая поддержать друг друга, вместе свалились на землю. Я услышал страшный треск и в следующую же секунду испытал такое ощущение, как будто через меня льется

вода, и я подумал, что наступила моя последняя минута. Но это был самый худший удар, часть стены рушилась, и вода, пролившаяся через нас, вылилась из соседнего резервуара.

Дрожа всем телом и испуганный, я осмотрелся кругом, опасаясь, что здание обрушится на нас. И в эту отчаянную минуту к нам долетели бешеные крики толпы: „Иностранцы нечисты!“ Эти крики сопровождались неистовыми проклятиями и казалось, будто толпа имеет намерение произвести нападение на дом.

— К оружию!—крикнул мой приятель доктор. Но кто осмелился бы войти в дом, который грозил обрушиться всякую минуту? Мы остановились, посмотрели друг на друга и затем, точно по взаимному соглашению, ринулись в дом, немедленно вернувшись оттуда вооруженные ружьями и пистолетами. Теперь нам надо было защищать свою жизнь не только от разъяренных стихий, но и от разъяренных людей.

Никогда в жизни я не забуду этих ужасных минут! Внезапно раздался страшный грохот, и вскоре после того мы увидели густые облака пыли, поднимающиеся в воздухе. К счастью для нас, по соседству обрушилось здание, и это заставило разбежаться разъяренную толпу. Скоро наступила тишина. Мы не чувствовали нового удара, но весь город был окутан густыми облаками пыли. Горы, лежащие к югу, дали трещину от этих ударов, и с вершины их скатились глыбы камней и обломков скал. Когда прошло полчаса и удары больше не повторялись, я набрался мужества и решил покинуть дом.

Разрушение города было так велико, что описать его во всех подробностях невозможно. Я встретил француза путешественника на улице; он был бледен и так напуган, что настаивал на нашем немедленном отъезде. Нечего делать, мне пришлось покориться, и я с грустью простился со своим другом доктором.

Когда мы ехали вдоль улиц, то видели повсюду в стенах зияющие трещины. Народ бродил подавленный и с тупой покорностью смотрел на разрушения и опустошения, произведенные землетрясением. Как ни жалко было нам этих несчастных, тем не менее мы невольно почувствовали облегчение, когда прошли через городские ворота и очутились на открытом пространстве, где нас ожидали наши спутники.

За стенами города тоже собралась огромная толпа. Те, которые бежали сюда ради безопасности, теперь с тоскою высматривали, не покажутся ли где-нибудь их близкие, которые остались в городе? В своей растерянности они спрашивали нас, не знаем ли мы что-нибудь о них.

Десять лет тому назад в Ширазе было землетрясение, которое имело даже гораздо худшие последствия. Более половины домов было разрушено и около десяти тысяч жителей погибло под их развалинами. В народе существует легенда, по словам которой много-много лет назад теперешний город Шираз был покрыт водой соленого озера Дерви-Немек, лежащего к востоку. Предсказывают, что город окончательно погибнет через это же самое озеро, которое покроет его водой.

ГЛАВА VII

ТЕГЕРАН. — ХАДЖИ БИЛАЛ. — ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ. —
ВЫБОР ДОРОГИ. — МОИ ТОВАРИЩИ. — СКАЛА БЕЛОГО ДУХА. —
ТИГРЫ И ШАКАЛЫ. — ГОРОД САРИ. — КАРАТЕПЕ. — ТАЙНА ЯКУБА. —
КУЛАЗЫ. — АШУРАДЭ.

По прибытии в Тегеран я стал немедленно подготавливать свое дальнейшее путешествие в Среднюю Азию и решил во что бы то ни стало достигнуть цели, так как теперь у меня было гораздо больше смелости, чем прежде. Через Тегеран ежегодно проходит много дервишей и хаджи из Бухары, Хивы и Коканда, и чуть ли не каждую неделю приходили из далекого Туркестана в турецкое посольство такие же оборванные гости, так как там выдавались небольшие пособия нищим суннитам, которым персы шииты не хотели оказывать ни малейшей помощи. Я, конечно, не упускал случая побеседовать с этими необразованными дикими татарами и послушать рассказы об их далекой родине. Больше всего я разговаривал с одним хаджи из Китайской Татарии, который был одет поверх лохмотьев в новую зеленую „джуббу“ (суконное верхнее платье), с большой белой чалмой на голове. Он познакомил меня с одним из бывших с ним товарищей и сообщил мне, что они

предводители небольшого каравана богомольцев, состоящего из 24-х человек.

— В нашем обществе,—сказал он мне,—есть и старые и молодые, богатые и бедные, ученые и невежды, но все мы живем вместе в величайшем согласии, так как мы все родом из Коканда и Кашгара и между нами нет бухарцев, этих злодеев рода человеческого.

Вообще, все они недолюбливали Бухары. Впрочем, это был единственный город в Средней Азии, куда я, действительно, боялся вступить, зная злополучную судьбу моих предшественников. Мне очень хотелось быть принятым в их караван, поэтому я сказал хаджи с большой белой чалмой, которого звали Биал, что я давно томлюсь желанием видеть Туркестан,—эту единственную страну, сохраняющую в чистоте Ислам, и хочу посетить праведников Хивы, Бухары и Самарканда.

— Я благодарю бога,—прибавил я в заключение,—что он послал мне товарищей, с которыми я могу продолжать свой путь и исполнить свое желание.

Татары с изумлением выслушали меня и заявили, что прежде они только подозревали, что я дервиш, но теперь вполне уверились в этом и рады, что я хочу отправиться с ними в такой дальний и опасный путь. Этого было достаточно, и я был принят в их караван. Мы обнялись и расцеловались, но я должен сознаться, что мне это было не особенно приятно, так как их платье было пропитано очень тяжелым запахом.

Турецкий посол, Хайдар эфенди, узнав о моем намерении, старался отговорить меня. Он считал

безумием мое намерение идти в страну, из которой не возвращался ни один из моих предшественников, и притом в сопровождении людей, готовых убить меня за грош. Но когда Хайдар эфенди убедился в бесполезности своих увещаний, то он позаботился, насколько мог, о моей безопасности, призвал моих спутников и сказал мне, что он исполнит все, о чем они просили, и что они могут рассчитывать на его услуги, но взамен должны оказывать мне покровительство, потому что я—эфенди, чиновник султана. Эти слова турецкого посланника и его покровительство спасли мне жизнь, столько раз подвергавшуюся опасности впоследствии, в трудные же минуты меня выручала также верность моих товарищей.

Хаджи Билал часто посещал меня и посоветовал мне выбрить голову, переменить мой костюм на бухарский и, насколько возможно, избегать постели, белья и тому подобных предметов роскоши. Я в точности исполнил его наставления и через три дня уже был готов пуститься в свой дальний путь.

Я зашел в каравансарай, где жили мои спутники, помещавшиеся в двух небольших кельях. В одной жило 14 человек, в другой десять. Лишь немногие из них имели средства, чтобы продолжать путешествие на свой счет, большинство же было вынуждено существовать подаением.

Конуры, в которых они жили, были крайне грязные и бедные, и они тоже были грязные и бедные. Когда я вошел, они были заняты тем, что ловили и уничтожали на себе насекомых. Я с трудом пода-

вил в себе отвращение при виде такого занятия, но впоследствии необходимость заставила и меня самого следовать их примеру. Мои товарищи приняли меня очень радушно и тотчас же налили мне большую бухарскую чашку зеленого чая без сахара. Я должен был вооружиться всем своим мужеством, чтобы проглотить этот напиток. От второй чашки, предложенной мне моими любезными хозяевами, я вежливо отказался, потому что чувствовал, что мой желудок возмутится против этого. После того я должен был обнять моих новых друзей, которые называли меня братом. Я переломил хлеб с каждым из них отдельно, и потом мы уселись в кружок и стали обсуждать различные подробности предстоящего путешествия и толковать о выборе дороги.

Перед нами было два пути, из которых мы могли выбирать, но оба были опасны, оба проходили через пустыни, населенные туркменами. Путь через Мешхед, Мерв и Бухару был короче и менее утомителен, но он проходил через страну, населенную текинцами, а это туркменское племя было самое дикое из всех и от него нельзя было ждать пощады. Про них говорили, что они продали бы в рабство даже самого пророка, если бы он попался к ним в руки.

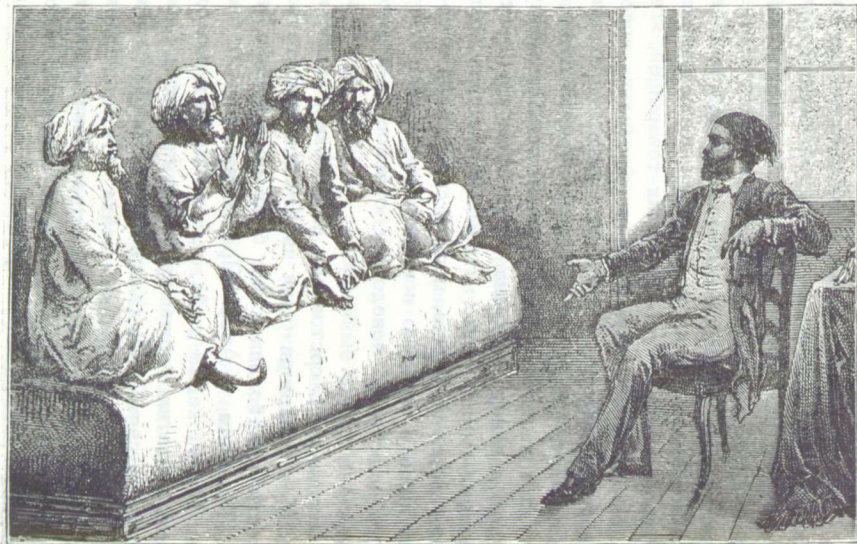
Другая дорога шла через страну, населенную иомудами. Это было честное, гостеприимное туркменское племя. Но зато надо было сделать сорок переходов по пустыне, в которой не было ни одного источника пресной воды. Обменявшись мнениями на этот счет, мы все-таки решили идти через землю иомудов и Великую Пустыню.

— Лучше,—сказал предводитель каравана,—бороться с яростью природы, чем со злобой людей.

Чтобы закрепить это решение, хаджи Билал произнес молитву, и мы подняли вверх свои руки, а когда он кончил, мы прикоснулись к нашим бородам и произнесли слово: „Аминь.“ Затем мы все встали, снова обнялись, и я дал обещание своим товарищам явиться к месту сбора послезавтра, как можно раньше утром.

Мои друзья в турецком посольстве снова старались отговорить меня от моего рискованного предприятия, и я тоже невольно думал об опасностях, ожидающих меня в будущем. Но меня не столько пугала несчастная участь других путешественников, как опасение, что у меня может не хватить физических сил, чтобы выдержать борьбу с жестокой природой, с климатом, перенести все ожидающие меня лишения, непривычную пищу, лишение крова и постели, при плохой одежде, служившей для меня недостаточным прикрытием. Притом же я хромал, и моя хромая нога всегда скоро уставала. Вот, в преодолении всех этих трудностей и заключалась смелость моего предприятия.

В назначенный день я был уже на рассвете в каравансарае, где собрались все мои товарищи. Беднейшие из них, у которых не было средств нанять мула или осла, уже надели „чаруки“ (обувь, приспособленную для пешеходов) и, взяв в руки священные посохи из финикового дерева, с нетерпением ждали знака к отправлению в путь. Я с удивлением заметил, что мои спутники надели на себя какие-то



Я не упускал случая побеседовать с татарами.

тряпки и лоскутья и подпоясались веревками. Оказалось, что та нищенская одежда, которую они носили в Тегеране, была все-таки их праздничной одеждой, и они сняли ее теперь, чтобы поберечь. Я посмотрел на себя и подумал, что еще вчера, в своей одежде, я был тоже похож на нищего, но теперь, в сравнении с ними, я был настоящим принцем.

Хаджи Билал поднял руки и произнес напутственное благословение, и те из наших товарищей, которые должны были идти пешком, бросились вперед к городским воротам, чтобы опередить нас, ехавших верхом. Через час мы уже были у горного прохода, и оттуда я в последний раз взглянул на освещенную солнцем равнину Тегерана. Мои товарищи запели священные гимны. Я же, чтобы скрыть свое волнение от своих спутников, погнал своего коня вперед, думая лишь о том, что покидаю этот край и отправляюсь навстречу неведомым опасностям в дикой, варварской стране.

Наш караван состоял из 23 человек, включая и меня. Мои товарищи были из Коканда и восточного Туркестана, и большинство было уроженцами Кашгара, Ташкента и Аксу. Предводителями их были: хаджи Билал, хаджи шейх султан Махмуд, молодой татарин фанатик, считающий себя потомком одного известного святого, и хаджи Сали Калифа, добивающийся получить звание шейха. Он принадлежал к полудуховному классу. Все трое выказывали мне дружбу, и на нас четверых все смотрели, как на главарей каравана. Меня уже больше не называли Решид зффенди, а хаджи Решид.

Мы поднимались без всяких приключений к высотам горной цепи и остановились в каравансарае Кемерда лишь тогда, когда стемнело. Это была полуразрушенная глиняная хижина посреди пустыни, и ее стены, казалось, готовы были рушиться каждую минуту. Дождь лил через трещины в крыше, и внутри было трудно найти сухой клочек земли. Мы все столпились в каравансарае, и в том числе и я. Хаджи Билал занялся приготовлением пилава (вареного риса) и за неимением жира распустил туда несколько сальных свечей. Меня пригласили принять участие в этом роскошном ужине, но я с благодарностью уклонился от такого угощения. Я уселся в углу среди нищих товарищей и, прислушиваясь к завываниям ветра и шуму дождя, вспоминал свою последнюю ночь, проведенную в турецком посольстве, и роскошный прощальный ужин. Как не похоже это было на то, что окружало меня теперь! Мои товарищи, грязные, оборванные и дурно пахнущие, покрытые насекомыми, нежно прижимались ко мне, стараясь согреть меня, так как я вымок до нитки под дождем и дрожал, как в лихорадке, от холода. Это была ужасная ночь, и я не мог сомкнуть глаз, поэтому очень ослабел и едва мог держаться в седле. Мои новые друзья заметили, что я несколько упал духом и старались ободрить меня. Хаджи Сали говорил мне: — Только бы нам поскорее выбраться из страны этих еретиков шиитов и спокойно вздохнуть у наших единоверцев и единомышленников туркмен! Но я не мог разделять его надежд и с некоторой тревогой думал об этом, хотя Хаджи Сали и уверял

меня, что все мои спутники любят меня, как брата. Я вступил теперь в совершенно новую для меня среду, в жизнь Средней Азии.

Днем было довольно тепло, но ранним утром мы чувствовали сильный холод, особенно в горах. Я был легко одет и не мог выдержать холода, так что был вынужден идти пешком. Одному из товарищей, идущих пешком, я дал свою лошадь и, получив от него взамен посох пилигрима, присоединился к пешеходам. Довольно долго я шел рядом с ними и слушал их пламенные речи и пение „Телькин“ (стихов из Корана). Я даже громко подтягивал им, и это очень радовало моих старших товарищей, которые говорили:

— Хаджи Решид истинный дервиш и подает большие надежды!

Следующую ночь мы провели гораздо удобнее в деревне, называемой Гиляр. Там мы разделились на несколько маленьких групп, и я присоединился к хаджи Билалу и его спутникам. Мы поместились в маленькой комнатке, принадлежащей какому-то крестьянину. Хаджи Билал снова пригласил меня разделить с ним ужин, и на этот раз я храбро победил свою брезгливость и так как был очень голоден, то постарался не обращать внимания на противный запах кушанья и грязные руки моих товарищей, которыми они брали рис из общей миски и с жадностью засовывали его себе в рот. Я спал крепко в эту ночь и проснулся освеженный, с новыми силами, так что мог уже более спокойно смотреть в будущее.

Меня очень забавляли замечания некоторых персидских крестьян по моему адресу, которые с изумительной проницательностью угадывали, что я не был ни татаринoм, ни турком, а просто-напросто „френги“*), который хотел воспользоваться обществом дервишей, чтобы посетить Центральную Азию,— страну, почти недоступную для меня в другом виде. Но никто из них не проговорился об этих подозрениях моим товарищам. Персидские шииты до такой степени ненавидят суннитов Центральной Азии, что им ничто не может доставить такого удовольствия, как если их смертельные враги будут обмануты.

На четвертый день мы достигли города Фирускуха, лежащего на довольно значительной высоте у подножия горы, на вершине которой находятся развалины древней крепости. Я пришел в восторг от красоты города и окружающей страны. Дома в городе тоже поразили меня своей изящной архитектурой. Широкий и глубокий горный поток извиваясь протекал через город в трех различных направлениях. Многие большие караваны увозят отсюда в Шахруд и Тегеран апельсины, арбузы и другие продукты Каспийской области и возвращаются нагруженные теми пищевыми продуктами, которых нет в этой горной местности.

Наша дорога шла дальше по чрезвычайно красивой стране. Густые леса, отдаленный шум водопадов и бездонные пропасти, зияющие между крутыми, скалистыми стенами гор, чудесная зелень

*) Европейец.

кругом, все это представляло такую картину, от которой трудно было оторвать глаза. Даже мои спутники, относившиеся довольно равнодушно к красоте природы, тоже были очарованы видами провинции Мазандеран, простирающейся почти до самых берегов Каспийского моря. Они только сожалели, что эта прелестная область находится в руках еретиков шиитов.

Мы позавтракали вблизи развалин Белого Духа— „Див Сефик“, увенчивающих остроконечную скалу. Один из наших товарищей персов сказал нам, что это скалистое обиталище, точно парящее в воздухе, было некогда любимым местопребыванием Белого Духа, которого победил Рустем, герой восточной легенды древней Персии, изложенной в поэме Шахнаме, произведении знаменитого персидского поэта Фирдуси.

Путешественники персы покинули нас, когда мы достигли Мазандерана. Обилие лесов и превосходной воды доставляли всем нам огромное наслаждение. Ведь мы тут сразу попали из обнаженной безводной местности в обильную, роскошную страну. Мы были страшно утомлены нашим длинным переходом по дурным дорогам, и как только наступили сумерки, мы сейчас же стали приискивать какое-нибудь удобное место для ночлега.

Лес давно уже соблазнял нас своим видом, но персы предупредили нас, что он изобилует хищными животными, которые забираются ночью даже в дома и нападают на людей, не говоря уже о тех, которые ночуют на открытом воздухе. В особенности нас

пугали тиграми, поэтому мы не решались остановиться в лесу, и шли до тех пор, пока не дошли до деревни Хефтен и остановились возле нее у опушки леса.

Мы развели большой костер, и решили поддерживать его всю ночь и поочередно дежурить у костра. Пламя костра скоро осветило всю окружающую местность, но в чаще, поблизости нас, все же слышались крадущиеся шаги и глухое рычание наших свирепых врагов. Единственный способ удерживать их в отдалении заключался в том, чтобы стрелять в них от времени до времени.

Особенной дерзостью отличались шакалы. Здесь их было так много, что мы просто не в состоянии были сладить с ними. Они бегали вокруг нас совсем близко, как домашние животные, не боясь наших палок. Шакалы выжидали момента, когда кто-нибудь был слишком занят разговором и не стерег свою пищу или предметы одежды, и тогда они подкрадывались и похищали у него, что было возможно, быстро убегая с похищенным добром. Мне они не давали покоя всю ночь, и я отбивался от них руками и ногами, боясь, чтобы они не утащили моих башмаков и дорожного мешка.

У нас произошел переполох, когда мы остановились возле Хефтена. Некоторые из самых молодых наших товарищей отправились искать источник хорошей воды для чая, и вдруг мы услышали отчаянный крик. Наши молодые люди опрометью бежали из леса к нам. Они рассказали, что видели у источника каких-то огромных зверей и потому убе-

жали страшно испуганные. Я взял свою заржавевшую саблю, совершенно не подумав о том, может ли она быть мне полезна. Издалека я увидел двух великолепных тигров и, конечно, поспешил удалиться. Но жители деревни говорили мне, что на людей они нападают редко.

На следующий день мы вступили в Сари, столицу Мазандерана. Город находится среди болотистой страны, и туда вели отвратительные дороги, поэтому мы все были покрыты грязью с головы до ног. Жители персы-шииты смеялись над нами, а группа мальчишек преследовала нас криками и ругательствами до самых ворот каравансарая. Однако, когда мы вошли на базар, несколько человек, в странных головных уборах и в халатах с красными полосами, остановились при виде нас и, подняв вверх руки, выразили нам уважение. Оказалось, что это были туркмены, остановившиеся здесь, чтобы приветствовать нас и первыми получить от нас, своих суннитских братьев, возвращающихся из Святой Земли, „Фатику“ — вступительную главу из Корана, произносимую всегда, как благословение.

Мы не успели пробыть и часа в каравансараяе, как уже явились другие туркмены с разными дарами для нас и наших животных. Один из них выразил почтение мне, и я, следуя примеру моих товарищей, дал ему благословение, за что получил от него дар в виде табака. Когда я рассказал об этом хаджи Билалу, то глаза у него заблестели, и он ответил мне:

— Да, эффенди, мы скоро будем свободны! Мы отправляемся в страну туркмен, наших братьев,

единоверцев, и нас ожидает там столько почестей, сколько нам пришлось претерпеть здесь оскорблений от персов.

К этому времени я уже чувствовал себя настолько суннитом, что эти слова доставили мне истинное удовольствие, и я забыл все страшные рассказы о дикости и жестокости этих жителей пустыни.

Недалеко от Сари лежит местечко Шейх-Таберси, в котором долго защищались бабиды, последователи секты, проповедовавшей коммунизм и братство всех народов. Бабиды подвергались в Персии преследованиям и массовым истреблениям. Часть их переселилась в другие страны, между прочим в Россию и Турцию.

Мы провели два дня в Сари, в садах которого растут прекраснейшие апельсиновые и лимонные деревья. Мои товарищи старались продать здесь своих ослов, так как наша следующая остановка должна была быть уже на берегу Каспийского моря, в Каратепе, и оттуда нам предстоял переезд по морю, следовательно животные представляли бы для нас только лишнее затруднение.

Деревня Каратепе получила свое название от Черного холма, по одной стороне которого жили персы, а по другой—афганцы. Как только мы прибыли в эту деревню, после трудного путешествия, продолжавшегося девять часов, я полез на холм, так как мне хотелось взглянуть оттуда на Каспийское море. Но я не мог увидеть открытого моря, потому что оно заслонялось длинным и узким мысом,

далеко уходящим в море, и на таком расстоянии представляющим лишь лесистую полосу, покрытую высокими деревьями. Я мог только разглядеть небольшое пространство воды между этой полосой и берегом.

Вернувшись в каравансарай, я узнал, что на следующий вечер один туркмен отправляется в Гермюштепе и согласен, из чувства доброты, взять всех хаджи с собой. Он сказал нам, что мы должны выехать на взморье как можно раньше утром, для того, чтобы воспользоваться благоприятным ветром. Тотчас же мы втроем, хаджи Билал, хаджи Сали и я, отправились разыскивать этого туркмена, по имени Якуба. Это был еще молодой человек с очень смелым выражением лица. Он тотчас же обнял каждого из нас и согласился ждать еще один день, пока мы окончим свои приготовления и запасемся нужными для путешествия припасами. Якуб попросил благословения у хаджи Билала и хаджи Сали, и когда мы повернулись к выходу, он вдруг попросил меня остаться на несколько минут. Конечно, я исполнил его просьбу и он, с некоторым смущением, поверил мне свою тайну. Он любил одну девушку, но она не отвечала ему взаимностью, и вот он обратился за советом к одному очень искусному колдуну, еврею, который как раз находился тогда в Каратепе и обещал приготовить ему могущественный талисман. Но для этого ему нужно было получить тридцать капель свежего розового масла, привезенного из Мекки. Это было необходимо, чтобы написать волшебное заклинание.

— Нам известно, что хаджи привозят с собой из Мекки это масло и разные другие благовония,— сказал мне Якуб. — Ты самый младший из главных хаджи, и потому я обращаюсь к тебе, в надежде, что ты исполнишь мою просьбу.

Товарищи мои действительно привезли с собой розовое масло, и потому желание Якуба могло быть исполнено мною. Он обрадовался этому, как ребенок.

Рано утром на следующий день мы уже собрались на берегу моря, и, кроме нищенской суммы, каждый из нас имел при себе мешок муки. Вследствие того, что у берега моря было очень мелко, парусная лодка Якуба не могла подойти близко, и нам пришлось добираться к ней на узком челноке— „кулазе“, представляющем лишь выдолбленную колоду. Ехать на ней целую милю было не очень-то приятно, потому что она была наполнена пассажирами, мешками муки и другим грузом и каждую минуту готова была опрокинуться. Однако, мы благополучно достигли лодки Якуба. Это было беспалубное судно, с одной только мачтой, и поэтому мы разместились в нем как попало, по краям, чтобы середина оставалась свободной для движений Якуба и его помощников. Наше положение, не особенно приятное днем, ночью становилось очень трудным, когда начинало клонить ко сну, а прилечь было невозможно. Иногда спящие опирались на меня с каждой стороны, и я не смел пошевелиться, так как разбудить спящего правоверного считается большим грехом.

На другой день в полдень подул попутный ветер, и наша лодка понеслась, как стрела. Справа мы

видели густо поросший лесом, простирающийся до самого моря, горный хребет, на котором возвышался замок Ашреф, выстроенный 400 лет тому назад шахом Аббасом Великим. Под вечер ветер стих, и нам пришлось стать на якорь вблизи берега. Мы занялись приготовлением чая на маленьком очаге судна. У меня было припрятано в поясе несколько кусочков сахара, и я предложил Якубу выпить чашку сладкого чая, на что он с радостью согласился. На следующий день, вследствие неблагоприятного ветра, мы пришли только вечером к Ашурадэ — маленькому, потонувшему в зелени острову, представляющему самый южный пункт русских владений в Азии. Тут стояли русские военные пароходы, которые должны были наводить страх на смелых туркменских разбойников.

У Якуба было свидетельство на проезд по Каспийскому морю, и только по предъявлении его и осмотре судна мы могли продолжать путь. Так как мы прибыли в Ашурадэ поздно вечером, то должны были ждать до утра; поэтому мы остановились на якоре на небольшом расстоянии от берега.

Я был не совсем спокоен, потому что опасался, как бы русские офицеры, которые должны были утром приехать на наше судно, не обратили бы внимания на мою европейскую наружность и цвет лица, отличающийся от моих товарищей. Я боялся, что если у них явятся какие-нибудь подозрения насчет моей личности, то они задержат меня. На другой день было воскресенье, и по случаю праздника осмотр нашего судна был очень поверхностный.

Я слышал, как офицеры, с любопытством смотревшие на нас, толковали между собой о нашей нищенской компании, и один из них сказал, глядя на меня: „Посмотрите-ка, какой белый этот дервиш!“ — Но все этим ограничилось. Больше не было сделано никаких замечаний, Якуб был отпущен, и наша лодка скоро исчезла из вида русского парохода.

ГЛАВА VIII

ТУРКМЕНСКИЙ БЕРЕГ. — АУЛ ГЕМЮШТЕПЭ. — НАСТАВЛЕНИЕ БИЛАЛА. — ТУРКМЕНСКИЕ НЕВОЛЬНИКИ. — ПЛЕННЫЙ МАТРОС. — ОПАСНЫЙ ВРАГ. — КЕРЕНДАГ. — СОЛЯНОЕ БОЛОТО. — ИЕТИ-СИРИ, ИЛИ СЕМЬ КОЛОДЦЕВ. — ВСТРЕЧА С ДИКАРЕМ. — ДОБРЫЙ КАРАВАНБАШИ. — МОГИЛА СВЯТОГО.

Наконец, мы увидели туркменский берег, но вследствие мелководья опять-таки должны были долго дожидаться, пока нас поочереди перевезут на берег в кулазе. Известие о нашем прибытии уже распространилось, и на берегу собрались все, старые и малые, женщины, дети и даже собаки. Гемюштепэ имел вид нескольких сот огромных ульев, стоящих близко один возле другого. Я с интересом смотрел на странные войлочные палатки и на женщин в красных шелковых рубашках, доходивших до пят. Все, без различия, спешили дотронуться до нас, так как прикосновение к нам, только что вернувшимся из Мекки, являло для них величайшую благодать. Я должен был пожимать сотни рук, которые протягивались ко мне со всех сторон. Старшина Гемюштепэ, по имени Ханджан, красивый и стройный мужчина лет сорока, приветливо встретивший нас, позвал меня, хаджи Билала и хаджи Сали в свою кибитку.

В первый раз, на другой день, я проснулся в туркменской палатке. Сон и прохлада освежили меня, и я чувствовал себя прекрасно. Хаджи Билал, заметив мое бодрое настроение, предложил мне сделать с ним небольшую прогулку. Когда мы отошли на некоторое расстояние, он сказал мне:

— Теперь пора забыть, что ты эффенди, и стать настоящим дервишем. Ты заметил, что не только я, но и все наши товарищи, старые и молодые, раздают благословение народу, делай и ты то же самое. Народ здесь этого требует, и всякий будет чуждаться тебя, если ты, выдавая себя за дервиша, не будешь исполнять того, что требуется от дервиша. Ты знаешь, как надо благословлять, так прими же благочестивый вид и раздавай благословения, а если тебя позовут к больному, то пошли на него „нефес“ (т.-е. святой дух) и не забывая протягивать руки за подаянием. Народ знает, что мы, дервиши, живем своим благочестивым ремеслом, и у каждого всегда есть для нас наготове какое-нибудь подаяние.

Хаджи Билал несколько раз извинялся, делая мне эти наставления, говоря, что он делает это для моего же блага. Разумеется, я от души благодарил его за это. Впоследствии я часто провожал хаджи Билала к больным или к людям, воображавшим себя больными, раздавал им благословения, писал небольшие талисманы и всегда получал за это надлежащую плату.

Несмотря на то, что туркмены в Гемюштепэ обращались с нами очень предупредительно, однако они скоро успели опротиветь не только мне, но и моим

товарищам. Многие говорили мне, что не могут видеть их жестокого обращения с несчастными персидскими невольниками. Я тоже никак не мог привыкнуть к бряцанию цепей, которое слышалось в кибитке каждого туркмена, пользующегося почетом и значением. Мне уже хотелось поскорее покинуть Гемюштепэ, и я был рад, когда после трехнедельного пребывания мы начали готовиться к отъезду. Мы все видели, что наступает жаркое время года, и боялись, что будем ужасно страдать от жажды.

Наконец мы отправились. Наш путь лежал к берегам реки Этрек, и путешествие наше было далеко не легкое и не безопасное. Этрекские туркмены были отъявленные разбойники, и мы почти не встречали палаток, в которых не было бы двух или трех персов, закованных в цепи. Там же, на Этреке, я встретил одного пленного русского матроса с острова Ашурадэ. Он был невольником одного знатного туркмена, Кочан-хана, который пригласил меня и моих товарищей хаджи к себе в палатку и, обратившись ко мне, сказал:

— Я хочу доставить тебе удовольствие, зная вашу вражду к русским. Ты сейчас увидишь одного из своих злейших врагов в цепях.

Я должен был сделать вид, что это доставит мне большую радость. Он велел привести несчастного русского пленника в тяжелых цепях, и при взгляде на него я чуть не изменил себе, до такой степени у меня сжалось сердце. Несчастный имел такой ужасно измученный вид!

— Что бы ты сделал вот с этим эффенди, если б встретил его в России?—обратился Кочан-хан к пленнику.—А вот теперь подойди-ка и поцелуй ему ноги.

Бедняга уже собирался исполнить это приказание, но я предупредил его, сказав Кочан-хану, что я уже совершил обряд великого омовения сегодня и потому не хочу осквернять себя прикосновением неверного. Я прибавил еще, что мне было бы гораздо приятнее, чтобы его увели с моих глаз, так как этот народ мне противен. Невольнику сказали, чтобы он вышел, и он удалился, бросив на меня странный пристальный взгляд. Я узнал потом, что это был один из тех двух матросов, которых туркменские разбойники захватили несколько лет тому назад во время своих ночных набегов. Его товарищ умер в неволе около года тому назад.

Я должен был постоянно убеждаться, что этот гостеприимный кочевой народ соединяет в себе добродетель с крайней жестокостью. Сколько раз я встречал в Гемюштепэ персидского невольника, который со слезами умолял меня дать ему несколько капель воды. Невольник рассказал мне, что ему два дня давали вместо хлеба высушенную соленую рыбу, заставляли целый день работать на солнце, копать гряды и не давали ни капли воды. По счастью, я был один в палатке в этот момент и, забывая опасность, подал ему мех с водой, а сам стоял у дверей, пока он пил. Меня глубоко возмущало в Гемюштепэ подобное жестокое обращение, но Этрек, в этом отношении, превзошел его. Мне опротивели все обитатели там, и хотелось поскорее быть в пустыне,

посреди величественной, хотя и ужасной природы. Я почувствовал себя счастливейшим человеком, когда наконец я влез утром в скрипучее сиденье—корзину на верблюде, и уселся против хаджи Билала. Наши верблюды потащились тихим волнообразным шагом вон из Этрека.

На дороге, по которой мы теперь шли, не было видно никаких следов ни человека, ни верблюдов, и в течение дня мы соображались с положением солнца, а ночью с полярной звездой, которую туркмены, вследствие ее неподвижности, называют „железным гвоздем“. Наш караванбаши (проводник каравана) пересчитал нас и сказал, что каждый из нас должен наполнить свой козий мех водой, так как до ближайшего колодца было три дня пути, а в пустыне капля воды спасает жизнь, поэтому каждый должен беречь свой мех, как зеницу ока, как источник жизни.

Верблюды были привязаны один к другому и тянулись длинной вереницей. Впереди них шел погонщик, который был в караване почетным лицом, так как он был всех ближе к караванбаши, а это считалось за честь.

Мы шли до наступления темноты, и когда остановились на отдых на другой день, то меня постигла неприятность, которая могла окончиться для меня очень плохо. В нашем караване был один афганец, куритель опиума и пьяница, Мехмед, которого ненавидели все хаджи за его безбожие и неисполнение мусульманских обрядов. Он еще раньше старался уговорить меня бросить моих нищенствующих то-

варищей и отправиться в путь вместе с ним, но я неизменно отвечал ему, что дервиш купцу не товарищ.

— Об истинной дружбе между нами, — говорил я ему, — может быть речь только тогда, когда ты отречешься от опиума и предашься благочестивым омовениям и молитвам.

Его раздражало мое противодействие. Он имел случай раньше, в Афганистане, часто видеть европейцев и, должно быть, по моим чертам лица угадал во мне европейца; считая меня переодетым лазутчиком, скрывающим свои сокровища под нищенским одеянием, он задумал воспользоваться ими при помощи угроз или доноса. Но его ненавидели все хаджи, считали дурным человеком, и это спасло меня.

Махмед постарался возбудить против меня нашего караванбаши, и мои друзья сообщили мне, что Амандурди (так звали нашего караванбаши) затрудняется взять меня с собой в Хиву, потому что мое лицо кажется ему очень подозрительным. Он боится гнева хивинского хана.

Несколько лет тому назад был такой случай. Он провожал одного европейского посланника в Хиву, который во время своего путешествия снял полную карту всей дороги и с такой дьявольской точностью, что не было пропущено ни одного колодца и ни одного холмика. Хан так рассердился, что велел немедленно казнить двух человек, давших эти сведения, и караванбаши спасся только благодаря могущественной протекции. Однако моим друзьям все же удалось уговорить его взять меня.

— Но он требует, чтобы ты дал обыскать себя,— прибавили они.— Он должен убедиться, что у тебя нет рисунков или деревянных перьев (карандашей), какие обыкновенно бывают у френги. Затем, ты должен дать обещание не делать никаких тайных замечок о горах и дорогах, иначе ты будешь оставлен один среди пустыни.

Я выслушал их с величайшим терпением, но когда они кончили, то я притворился очень рассерженным. Обратившись к хаджи Сали, я сказал ему так громко, чтобы слова мои были всеми услышаны.

— Хаджи, ты видел меня в Тегеране; ты знаешь, кто я. Скажи же Амандурди, что ему, как честному человеку, не подобает основываться на словах пьяного безбожника афганца. С религией не дозволено шутить, и если он еще раз осмелится назвать меня неверным френги, то я покажу ему в Хиве, с кем он имеет дело!

Весь караван слышал мои слова. Товарищи мои тоже разгорячились, и афганцу пришлось бы плохо, если б я их не остановил. Караванбаши тоже был очень смущен. На этот раз опасность для меня миновала, но я должен был удвоить осторожность.

Погода была великолепная, и потому решено было ехать всю ночь, не останавливаясь. Свернувшись в своей корзине на верблюде, я любовался чудным звездным небом; в пустыне оно обладает особенной красотой. Вдруг я услышал со всех сторон крики: „Хаджи, взгляни на свою кибленуму (компас), мы кажется заблудились?“

Я тотчас же зажег трут и при его свете посмотрел на компас. Я увидел, что мы, действительно, сбились с дороги и вместо севера направились на восток. Караванбаши испугался. Думая, что мы находимся вблизи опасных болот и боясь попасть в них, он решил не двигаться с места и дожидаться рассвета.

Дорога временами была очень плохая, покрытая рытвинами и песчаными холмами, которые беспрестанно меняли свой вид. Бедные верблюды, тяжело навьюченные, особенно страдали при этом. Их привязывают одного к другому веревкой, один конец которой прикрепляется к хвосту идущего впереди верблюда, а другой продевается в ноздри следующего за ним. Тяжело бывает видеть, если в этой веренице остановится один верблюд; другие продолжают двигаться вперед и тянут несчастного, пока не порвется веревка, причиняя этим страшную боль бедному животному.

Нам необходимо было подвигаться быстрее, потому что запас воды приходил к концу. Караван шел не останавливаясь; если же цепь разрывалась, то сейчас же несколько человек отправлялись за отставшим животным. Для того, чтобы они не заблудились, один из шедших в караване должен был постоянно переключаться с ними. Этот заунывный крик в темноте ночи указывал им путь; беда если бы противный ветер заглушил этот звук!

Мы увидели утром, 16 мая, горный хребет Керендага, у подошвы которого виднелись какие-то палатки. К счастью, мы могли не опасаться нападения, так

как это были мирные иомуды, и они тотчас же обступили наш караван. Я же пошел осматривать развалины, вероятно, какой-то крепости, которые видел издали. В Керендаге мы нашли две цистерны и наполнили свои меха илистой водой, которая, однако, от долгого взбалтывания на спинах верблюдов превратилась в совершенную грязь отвратительного вкуса. Но мы все же должны были дорожить ею, так как на дождевую воду можно было рассчитывать только, пройдя одну станцию за горами Большой Балхан. Мы делали теперь каждый день по три привала, от полутора до двух часов. Перед восходом солнца мы пекли для себя хлеб на целый день, а вечером, перед закатом солнца, мы садились за скудный ужин, состоявший из одного хлеба и нескольких капель воды.

Наконец, мы увидели на севере темносинее облако—это был Малый Балхан. О его красоте, высоте и минеральных богатствах я слышал много рассказов от туркмен. Мы должны были прибыть туда еще утром, но, к несчастью, наш караванбаши вдруг задремал, а заменявший его проводник завел нас в такие места, что мы чуть не погибли.

У подошвы Малого Балхана много опасных соляных болот, которые трудно отличить от твердой земли. Вся почва в таких местах покрыта корой соли, часто в палец толщиной. Мы так далеко зашли в подобное болото, что наши верблюды уже не могли держаться на ногах. Все мы тотчас же соскочили с них и вдруг почувствовали, что земля колеблется под нами, как лодка на поверхности воды. Смятение

было всеобщее. Караванбаши крикнул нам, чтобы мы не двигались с места, так как было еще темно, а выбраться из болота можно только на рассвете. Мы прождали таким образом в этом злосчастном месте три часа, пока не показалась светлая полоса на востоке. Резкий запах соды был почти невыносим, и у нас кружилась голова от него. Выбраться же из болота было также не легко, и мы должны были осторожно идти назад, по своим следам. Если бы мы зашли несколько далее, то, пожалуй, весь наш караван погиб бы в этом болоте.

Мы шли весь этот день у подножия хребта, и на другой день, когда мы остановились на отдых, спустя час по заходе солнца, караванбаши объявил нам, что мы только теперь вступаем в настоящую пустыню. Он предупредил нас, что и днем и ночью мы должны воздерживаться от громких разговоров и криков, и что ночью опасно разводить огонь, поэтому мы должны печь свой хлеб до заката солнца, чтобы не привлечь разбойников, кочующих тут. Мы оставили за собою горы и видели впереди лишь необозримую пустыню.

Красно-желтый цвет солнца при восходе и закате, песчаные холмы, уходящие в даль, и, в особенности, мертвенная тишина, все это производило подавляющее впечатление. Мы поняли, что находимся в одной из обширнейших пустынь земного шара.

В полдень, 22-го мая, мы остановились в местечке Иети-Сири, обязанное своим названием тому, что здесь в прежнее время было семь колодцев. Теперь только в трех колодцах еще оставалась вода, хотя

очень соленая и вонючая. Караванбаши успокаивал нас, что к вечеру мы найдем дождевую воду. Верблюдов мы напоили этой колодезной водой, и даже некоторые из наших спутников пили ее, но я не решился заменить оставшуюся у меня в моем мехе воду этой горькой и отвратительной жидкостью из колодцев.

Отдохнув немного, мы двинулись дальше и по дороге увидели на одном из более высоких холмов две пустых „кедшеве“—корзины, в которых ездят на верблюдах. Мне сказали, что путешественники, сидевшие в них, погибли здесь в пустыне; туркмены же считают грехом прикоснуться к тому, что принадлежало умершему. Кто были эти путешественники и какая участь постигла их,—так и осталось неизвестно мне.

Когда стало прохладнее, я сошел с верблюда и, вместе с караванбаши и несколькими туркменами, отправился поискать дождевой воды. Все мы были вооружены, и пошли по разным направлениям. Я шел с караванбаши. Вдруг он заметил на песке какие-то следы и вскрикнул: „Здесь должен быть человек!“

Мы зажгли фитили и при их слабом свете пошли по следам ко входу в пещеру. После некоторого колебания мы вошли в нее, держа ружья наготове. Каков же был наш ужас, когда мы увидели перед собой настоящего дикаря с длиннейшими ногтями и с длинными лохматыми волосами и бородой, одетого в шкуру газели! При виде нас он вскочил пораженный и бросился на нас с поднятым копьем. Я быстро отскочил в сторону, но мой спутник,



Мы увидали горный хребет Керендага.

караванбаши, остался совершенно спокойным. Он опустил свое ружье и тихим голосом произнес: „Аман боль!“ (Мир тебе!).

Мы тотчас же вышли из пещеры, и дорогой он сказал мне: „Канли дир“ (На нем кровь). Я узнал потом, что этот человек, укрываясь от справедливой мести за убийство, скитается уже годами, зиму и лето, по пустыне. Он ни с кем не должен встречаться, и никто не смеет заговаривать с ним.

Мы не нашли пресной воды, и товарищи наши тоже вернулись с пустыми руками. У меня осталось лишь несколько капель жидкого ила в моем мешке, и мысль о том, что это были последние капли, приводила меня в трепет. „О вода, драгоценнейшая из стихий!—говорил я себе.—Зачем я прежде не ценил тебя? Чего бы я не дал теперь за несколько капель этой божественной влаги...“

Вечером я не мог проглотить даже ни одного кусочка хлеба и лег на землю совершенно обесиленный. Вдруг я увидел, что все встают и собираются около караванбаши. Мне сделали знак, чтобы и я тоже подошел. Я услышал слова: „вода! вода!..“, и бодрость тотчас же вернулась ко мне.

Караванбаши раздавал воду, почти по два стакана каждому. Этот славный туркмен сказал нам потом, что, отправляясь в пустыню, он уже давно имеет обыкновение сохранять в тайных местах большие запасы воды, чтобы их можно было раздавать потом в случае крайней нужды. Это был благочестивый акт, так как туркменская поговорка гласит: „Капля

воды, поданная жаждущему в пустыне, смывает грехи за сто лет!"

Невозможно выразить, какое наслаждение доставляет глоток воды при подобных обстоятельствах! Я совершенно ожил и чувствовал себя бодрым, так что мог продолжать путь. Но на другой день муки возобновились, жара сделалась невыносимой, и освежительный глоток воды был забыт.

Около полудня караванбаши объявил нам, что мы находимся недалеко от посещаемого богомольцами священного места Кариман-Ата и должны теперь исполнить свой священный долг, а именно—итти пешком около четверти часа до гроба святого. И вот я, истомленный зноем и жаждой, принужден был сойти с верблюда и, присоединившись к толпе, итти пешком, и к тому же, невзирая на пересохшую глотку, распевать вместе с толпой изо всей силы, точно безумный, разные изречения из Корана и священные гимны.

К довершению всего, могила находилась на возвышении, куда надо было взбираться. „О жестокий святой!—думал я.—Не мог ты разве заставить похоронить себя в другом месте, чтобы смертным легче было посещать тебя?“

Задыхаясь, я упал перед могилой, которая имела около тридцати футов длины и была покрыта бараньими рогами,—эмблемой верховной власти в Средней Азии. Караванбаши заявил нам, что святой был именно таких исполинских размеров, и что он в незапамятные времена защитил здешние колодцы от злых духов, которые хотели завалить их камнями.

Вокруг этой священной могилы виделось еще несколько обыкновенных могил, где покоились бедные путники, погибшие в разных местах пустыни. Я надеялся найти воду в колодцах, находившихся под защитой святого, ноу—вы! она была соленая, горькая и вонючая. Я был так разочарован и огорчен этим, что впервые испугался за свое будущее.

ГЛАВА IX

КАФЛАНКИР — ПОЛЕ ТИГРОВ. — ПОЛЕ ДИКИХ ОСЛОВ. — ОБЕЗБОЖЕННАЯ НАРУЖНОСТЬ. — ОМОВЕНИЕ ПЕСКОМ И ПЫЛЬЮ. — ДОНОСЧИК. — ПРИЕМ У ХИВИНСКОГО ХАНА. — БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПРИГЛАШЕНИЯ. — ВОПРОСЫ О СУЛТАНЕ. — БЛАГОСЛОВЕНИЯ И „СВЯТОЕ ДЫХАНИЕ“. — НАГРАДА ЗА ОТРУБЛЕННЫЕ ГОЛОВЫ. — ЖЕСТОКИЕ НАКАЗАНИЯ.

К счастью, ночью прошла сильная гроза, и дождь выпал крупными каплями, а утром мы уже подошли к крайней границе песков. Нам понадобилось еще три дня, чтобы пройти ее, но в воде мы уже не встречали недостатка и в изобилии находили ее в глинистой почве. Наши спутники туркмены приписывали это изобилие воды тому, что с ними путешествовали хаджи.

Вечером того же дня мы достигли глубокого оврага, за которым начиналась плоская возвышенность Кафланкир (поле тигров). Тут уже было Хивинское царство. Эта область, по своему растительному богатству и множеству встречающихся здесь животных, значительно отличается от остальной пустыни.

На другой день нашего пребывания в Кафланкире мы увидели на севере громадное облако пыли,

которое приближалось к нам. Караванбаши и наши туркмены взяли за ружья, и чем ближе подвигалось это грозное облако, тем сильнее возрастала наша тревога. Наконец, мы могли различить какую-то правильно двигающуюся массу, точно полк, двинувшийся в атаку. Наши предводители опустили оружие, я же старался не выдать себя и сохранить восточное равнодушие, но внутренне сгорал от любопытства. Когда облако пыли достаточно приблизилось к нам, то мы услышали шум, словно тысячи всадников остановились по команде. И вдруг перед нами предстало бесчисленное множество диких ослов, крепких и бодрых, выстроившихся в одну линию. Они пристально взглянули на нас и с быстротой стрелы повернули и помчались на запад.

Через день мы пришли в Шор-Гелю (Соленому озеру), имеющему 12 английских миль в окружности. Мы остановились здесь, чтобы совершить великое омовение. Товарищи развязали свои узелки, вынули оттуда чистые рубашки, только у меня ее не было. Хаджи Билал предложил мне свою, но я отказался, так как решил, что чем беднее я буду казаться, тем безопаснее будет мое положение.

Мне было смешно, когда я в первый раз посмотрел на себя в зеркало и увидал, что мое лицо покрыто слоем пыли чуть ли не в палец толщиной. Я не мылся в пустыне даже тогда, когда это было возможно, так как рассчитывал, что кора, образовавшаяся от пыли на лице, защитит меня от палящего солнца. Но я ошибся в своих расчетах. Впрочем, мы были все обезображены, благодаря омовению

песком и пылью, которое пророк предписывает совершать в безводной пустыне. Мои товарищи, однако, казались настоящими франтами в сравнении со мной. Они хотели снабдить и меня одеждой, но я поблагодарил их и отказался, говоря, что подожду, пока меня оденет хивинский хан.

Хива на расстоянии, окруженная садами, со своими куполами и башнями, виднеющимися среди зелени, производила очень приятное впечатление. Замечательно, что песчаная пустыня оканчивается лишь в получасе пути от города, и таким образом мы видим разительный контраст между жизнью и смертью. Конечно, я испытывал немалое волнение, когда подъезжал к воротам Хивы. Я знал, что если хивинский хан откроет мой обман или даже заподозрит меня, то поступит со мной еще ужаснее, чем поступили бы туркмены.

Однако, я не трусил. Меня закалила постоянная опасность. Уже три месяца меня не покидала мысль, что мое рискованное предприятие может быть прервано смертью. И теперь я не трепетал от страха, а обдумывал, какими средствами можно будет обмануть зоркость суеверного властителя. Между прочим, я собрал сведения о некоторых знатных хивинцах, которые бывали в Константинополе. К числу их принадлежал Шюкруллах-бей, который был лет десять посланником в Турции. Я решил познакомиться с ним и надеялся, что он окажется мне полезным.

В воротах города нас встретило много хивинцев, которые поднесли нам хлеб и сушеные плоды. Город уже давно не посещали хаджи, и поэтому на нас

смотрели с особенным удивлением и почтением. Со всех сторон раздавались восклицания. „Добро пожаловать!.. Сокол мой!.. Лев мой!..“ Хаджи Билал запел гимн при въезде на базар, и я нарочно пел громче всех. Мне было ужасно неловко, и я был растроган тем, что эти люди целовали мои руки и ноги и даже лохмотья моей одежды, как будто в самом деле я был какой-нибудь великий святой!

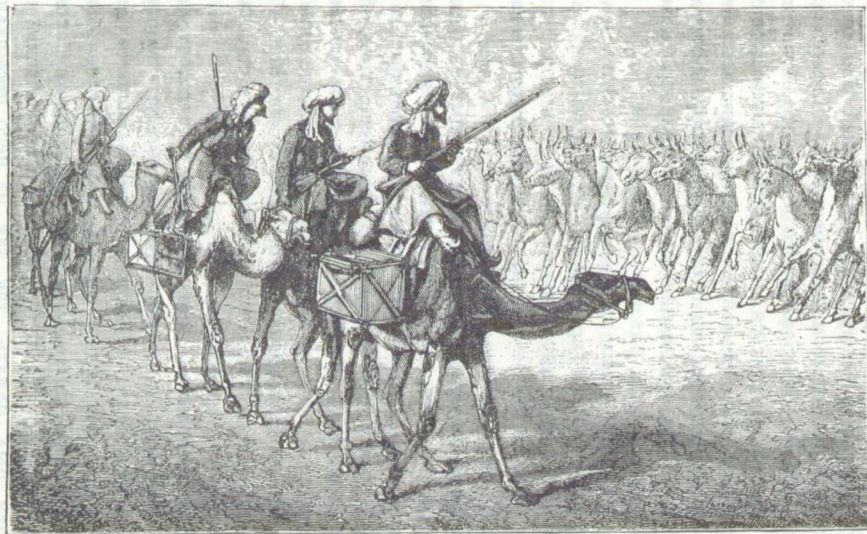
Мы сошли с верблюдов у каравансарая, который в то же время служил и таможеней, где подвергали строгому осмотру всех приезжающих и все привезенные товары. Не успел начальник таможни сделать нам обычные вопросы, как доносчик афганец выступил вперед и воскликнул:

— В Хиву привезли замечательных четвероногих, да еще одного замечательного двуногого.

Первый намек относился к невиданным еще в Хиве буйволам, а второй явно был направлен против меня. Все стали всматриваться в меня, и мне даже послышались шепотом произнесенные слова:

„Шпион! Френги! Урус! (русский)“.

Я старался оставаться спокойным, но когда захотел уйти, то Мехрем (начальник таможни) приказал мне остаться и в самых грубых выражениях стал меня допрашивать. К счастью для меня, в это время подошел хаджи Сали и, не зная, что происходит, отрекомендовал меня Мехрему в самых лестных выражениях. Мехрем был очень удивлен, переменил тон и улыбаясь предложил мне сесть рядом с ним. Хаджи Сали сделал мне знак, чтобы я принял предложение, но я сделал вид, что сильно



Перед нами предстало бесчисленное множество диких ослов.

оскорблен, грозно взглянул на Мехрема и тотчас же ушел.

Я посетил Шюкруллах-бея, который был очень удивлен моим визитом, в особенности, когда увидел перед собой обезображенного нищего в лохмотьях. Не успел я обменяться с ним несколькими словами по-турецки, как он сейчас же забросал меня бесчисленными вопросами о своих друзьях в Константинополе и о положении дел в Турции при новом султани.

— Что побудило тебя, эффенди, прибыть в эту ужасную страну и притом из Стамбула, этого рая земного?—воскликнул он.

— Это „Пир“,—ответил я ему и прикрыл глаза рукой в знак повиновения.

Старик был довольно сведущ в Исламе и потому понял, что я принадлежу к какому-то духовному ордену дервишей, и его духовный руководитель — „Пир“ послал меня совершить это путешествие, обязательное для каждого „мюрида“, т.е. ученика ордена дервишей, даже если бы это путешествие и было сопряжено с опасностью для жизни. Мое объяснение обрадовало его, и он спросил меня о названии моего ордена.

Возвратившись в каравансарай, я узнал, что товарищей моих перевели в здание, представляющее род монастыря, где всегда останавливаются дервиши. Я пошел туда и увидел, что и для меня была приготовлена келья. Товарищи с восторгом рассказывали мне, что афганец, желавший меня выдать, вынужден был бежать, так как на него посыпались

со всех сторон брань и проклятия, даже от хивинцев.

Я был очень доволен; таким образом подозрения были отклонены. Я рассчитывал, что Шюкруллах-бей наверное сообщит хану о моем прибытии из Константинополя. Так и случилось. На другой день ко мне явился офицер хана с повелением явиться вечером во дворец, так как хан хочет получить благословение от дервиша из Святой земли.

Когда я проходил в ханский дворец, то у главного входа теснилась толпа, и я слышал, как женщины, указывая на меня пальцем, говорили: „Вот идет дервиш из Константинополя. Он благословит нашего хана сегодня“.

Сначала вошел Шюкруллах-бей, я же должен был подождать несколько минут, пока не окончились все необходимые приготовления к моей встрече. Хотя обо мне доложили, как о дервише, но про меня сказали, что я знаю всех значительных пашей в Константинополе, и поэтому мой прием должен был быть обставлен более торжественно. Через несколько минут пришли два офицера, почтительно взяли меня под руки, занавес поднялся, и я увидел перед собой хана. Он восседал на возвышенном месте, имевшем вид террасы, и, облачиваясь левой рукой на бархатную подушку, в правой держал небольшой золотой скипетр. Я поднял кверху руки, что сделал также хан и все присутствующие, произнес коротенькое изречение из Корана и еще три молитвы и, громко сказав „Аминь“, — провел рукой по бороде.

Когда я подошел к хану, он протянул мне руки, и, совершив поклоны, предписываемые Кораном, я отошел на несколько шагов. Этим окончился церемониал, и после того хан начал меня расспрашивать, для чего я предпринял такое путешествие, и какое впечатление произвели на меня обитатели пустыни—туркмены.

Я отвечал в самых цветистых выражениях, сказал, что испытал много страданий, но теперь вполне вознагражден лицеизрением благословенной красоты хана и благодарю Аллаха, что он сподобил меня испытать такое великое счастье. В этом я вижу милость судьбы и доброе предзнаменование для моего дальнейшего путешествия.

Хан спросил меня, долго ли я намерен здесь остаться и имею ли все нужное для путешествия? Я отвечал, что имею намерение посетить всех святых, покоящихся в здешней благословенной стране, а потом отправиться дальше. Что же касается средств, то мы, дервиши, пренебрегаем такими житейскими мелочами. Благословение, полученное мной от главы ордена, дает мне силы в продолжение четырех, даже пяти суток пробыть без всякой пищи.

— Я желаю только одного,—прибавил я,—чтобы Аллах продлил жизнь хана еще на 120 лет.

Мои слова, повидимому, понравились хану. Он приказал мне дать двадцать золотых монет и хорошего осла. От денег я отказался, сказав, что у дервишей считается грехом иметь деньги, но за осла поблагодарил от всего сердца, прибавив, что святая заповедь повелевает совершать благочестивое путешествие на белом осле.

Я уже собрался уходить, но хан стал просить меня, чтобы я, по крайней мере, во время своего короткого пребывания в Хиве, был его гостем и получал бы ежедневно от его казначея деньги на свое содержание. Я поблагодарил его, произнес прощальное благословение и удалился. Когда я пробирался в толпе, наполнявшей двор и базар, то меня приветствовали громкими почтительными криками. Но я вздохнул свободно лишь тогда, когда наконец почувствовал себя в безопасности в четырех стенах своей кельи. Образ хана весь вечер преследовал меня. В каждой черте его виден был слабоумный, жестокий и дикий тиран, и я все время видел его перед собой бледного, с глубоко впавшими глазами, реденькой бородкой, белыми губами и говорящего дрожащим голосом.

— Счастливо я отделался,—подумал я.

Я бы мог, конечно, довольно скоро осмотреть достопримечательности Хивы и предпринять дальние поездки во внутренние области ханства, но у меня отнимали пропасть времени приглашения от хана и от разных знатных жителей Хивы. Все взапуски старались угостить меня, узнав, что хан благоволил ко мне, и я получал от шести до восьми приглашений в день.

Я с ужасом вспоминаю даже теперь, как мне приходилось, еще до восхода солнца, сидеть перед колоссальным блюдом риса, политого бараньим салом, и натошак глотать его. Каким хорошим казался мне пресный хлеб, которым я питался в пустыне, в сравнении с этим угощением! В средней Азии существует

обычай, даже при простом визите, расстилать перед гостем простую салфетку — „дастурхан“, большею частью далеко не первой чистоты, на которую кладется хлеб для двух человек, и гость непременно должен съесть хоть один кусочек предложенной пищи. Неприлично было бы сказать: „Я не могу больше есть!“

Я удивлялся, какое количество пищи уничтожали мои товарищи. Я однажды сосчитал, что каждый из них съедает по фунту бараньего сала и по два фунта риса, не считая хлеба, моркови, репы и редьки, да еще они выпивают при этом от 15 до 20 больших суповых чашек зеленого чая. Я, конечно, не мог состязаться с ними в этом отношении, и все удивлялись, что я, несмотря на свою ученость, так плохо воспитан.

Надоедали мне также постоянные вопросы о турецком султани, который считается признанным преемником Магомета. Приближенные султана считались в Хиве примерными образцами при выполнении разных религиозных обрядов. Меня постоянно расспрашивали, как ученого дервиша, как надо мыть руки, ноги, затылок, как, согласно правилам святой религии, нужно сидеть, ходить, лежать, спать и т. д. Наверное, моя жизнь подвергалась бы опасности, если бы я стал рассказывать этим людям, что волосы на голове султана и его борода подстрижены по-модному, и платье свое он заказывает в Париже, и что за его столом выпивается огромное количество французских вин!

Мои товарищи и я занимались в Хиве раздачей благословений и „святого дыхания“, и это приносило

нам хороший доход. Я не мог отказываться, когда ко мне являлись с подобными просьбами. Особенно часто обращались ко мне больные женщины. Они садились с поджатыми ногами перед моей дверью, я прикасался рукой к их больной части тела, шевелил губами, как бы читая молитву, и потом трижды дул на них (святое дыхание). Они глубоко вздыхали после этого, и некоторые уверяли, что тотчас же чувствовали облегчение.

Однажды я, придя к казначею за получением назначенного мне ханом дневного содержания, застал его за очень странным занятием: он сортировал халаты, которые были почетной одеждой, посылаемой в лагерь в награду героям. Халаты представляли яркие шелковые кафтаны и были четырех родов: их называли четырехголовыми, двенадцати-, двадцати- и сорокаголовыми кафтанами. Я очень удивился такому названию, потому что ни на одном из них не были изображены головы. Тогда мне пояснили, что простые халаты назначаются в награду за четыре отрубленных головы неприятеля, а более красивые халаты назначаются, смотря по богатству отделки, за двенадцать и двадцать голов, а самые красивые за сорок. Я увидел на другой день на главной площади раздачу этих наград. Из лагеря приехали сто всадников, все покрытые пылью, и каждый из них вел пленных, между которыми находились женщины и дети, привязанные или к хвосту лошади или к луке седла. К каждому седлу, кроме того, было привязано по мешку с отрубленными головами, которые должны были служить доказа-

тельством геройских подвигов всадников. Своих пленных всадник дарил хану или какому-нибудь вельможе, а затем развязывал мешок, брал его за два угла и высыпал на землю, как картофель, отрубленные головы. После того, каждому такому герою выдавалась квитанция в получении от него голов, и через несколько дней он получал следуемый ему халат.

Страшно вспомнить о тех сценах, при которых мне пришлось присутствовать в Хиве. Однажды привели на наружный двор ханского дворца 300 военнопленных. Измученные страхом смерти и голодом, покрытые лохмотьями, они казались мертвецами, вставшими из гробов. Их разделили на две группы: одни, не достигшие еще сорокалетнего возраста, предназначались в продажу или в подарок, другие же, считающиеся, вследствие своего положения или старости, „седобородами предводителями“, должны были подвергнуться наказанию по усмотрению хана. Палачи пришли за ними и потащили их. Одних повели на виселицу, других в темницу, а восемь стариков покорно легли навзничь по знаку палача. Связав их по рукам и ногам, палач выколол им глаза. Всякий раз после такой операции он становился на грудь ослепленного и обтирал об его бороду свой окровавленный нож. Ужасно было видеть, как эти несчастные жертвы, освобожденные от веревок после мучительного наказания, старались приподняться, ощупывая окружающие предметы. Одни ударялись головами друг о друга, другие падали на землю без чувств с глубоким стоном.



Занавес поднялся и я увидел перед собой хана.

Одно воспоминание об этом приводит меня в содрогание. Впрочем, в Хиве жестокие наказания составляли самое обычное явление. Хан, желая приобрести славу защитника веры, наказывал самым жестоким образом за малейший проступок против религии. Было достаточно взглянуть на женщину, закрытую покрывалом, чтобы быть казненным по предписанию религии. Провинившегося мужчину вешали, а женщину зарывали наполовину в землю около виселицы и побивали, за неимением камней, твердыми кусками земли. Уже после третьего удара несчастная совершенно покрывалась пылью, и тело ее страшно обезображивалось. Только смерть избавляла ее от мучений.

Я пробыл в Хиве целый месяц и оттуда уехал со своими товарищами в Бухару. Хан простился со мной очень ласково и просил на возвратном пути ехать через Хиву, так как он хотел отправить со мной посла к турецкому султану. Я сказал ему на это, что грех думать о будущем, и что мы все должны ждать решения судьбы...

ГЛАВА X

ВЫГОДА ОТ БЛАГОЧЕСТИЯ. — ОПЯТЬ В БЕЗВОДНОЙ ПУСТЫНЕ! —
МЕСТО, ГДЕ ПОГИБАЮТ ЛЮДИ. — СМЕРТЬ ОТ ЖАЖДЫ. — ЛИХО-
РАДОЧНЫЙ ВЕТЕР. — В ГОСТЯХ У ПЕРСОВ-НЕВОЛЬНИКОВ. —
МАЛЬЧИК-НЕВОЛЬНИК. — ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ.

Благочестие хивинцев оказалось очень выгодным для нашего нищенского каравана. Мы все принарядились, и не было и следа лохмотьев ни на ком. Вместо разорванных меховых шапок у всех были теперь белоснежные чалмы. Мешки у всех были туго набиты и даже у самого бедного был осел. В моем распоряжении был осел, подаренный мне ханом, и еще пол верблюда, принадлежащего к каравану. Осел вез меня, а на верблюде лежал мой дорожный мешок с платьями, кое-какими бумагами и съестными припасами.

Опять нам пришлось ехать через пустыню, и так как был уже июль месяц, и жара была нестерпимая, то мы не могли надеяться найти где-нибудь воду. На небе уже показались звезды, когда мы достигли песчаной степи. Караван наш соблюдал величайшую тишину, чтобы не привлечь внимания разбойничьих шаек туркменов. В темноте они не могли увидеть нас, а шагов животных по мягкому песку не было

слышно. Мы боялись только, чтобы нашим ослам не пришла охота вдруг запеть и выдать таким образом наше присутствие. В полночь мы достигли такой местности, где наши ослы и верблюды по колено утопали в мелком песке, образовавшем к тому же непрерывную цепь холмов.

Утром мы остановились в одном месте, которое носило название „Адамкирилган“, или место, „где погибают люди“. Достаточно было взглянуть на горизонт, чтобы убедиться в справедливости этого названия. Перед нами было необозримое песчаное море, с одной стороны высокие холмы, точно волны, поднимающиеся на поверхность под влиянием страшных бурь, а с другой — зеркально гладкая поверхность песка, слегка волнуемая тихим ветром.

В воздухе не было видно ни одной птицы, на земле — ни одного червя или жука. Все было мертво кругом, и видны были только кости погибших здесь людей и животных. Каждый путник складывает эти кости в кучи, чтобы они служили указателями пути. Тут мы были обеспечены от нападения туркменов, так как не найдется ни одной лошади в мире, которая могла бы пройти хоть одну станцию по этой страшной пустыне.

Я сделал в первый же день открытие, что, несмотря на самую бережную экономию, нам не хватит воды на весь этот переход по безводной области. Вероятно, от действия солнца количество воды все уменьшалось. Мы все, после этого, удвоили надзор за нашими мехами, и смешно было смотреть, как, даже во сне, все крепко обнимали свои меха.

Несмотря на палящий зной и жажду, мы должны были итти от пяти до девяти часов в день. Надо было как можно скорее выйти из области песков, так как иначе нас мог настигнуть страшный песчаный ураган, который по-персидски называется „лихорадочным ветром“—„теббад“. Бедных верблюдов не жалели, и по дороге двое из них пали.

Удушливая трехдневная жара отняла силы у всех нас. Двое из наших беднейших спутников, вынужденные итти пешком возле своих ослабевших животных и, по неосторожности, выпившие всю свою воду, так расхворались, что мы должны были положить их на верблюдов и привязать их, потому что они не в состоянии были ни ехать верхом ни сидеть. Их прикрыли, но пока они могли говорить, то их единственные слова были: „воды! воды!“ Однако, даже их лучшие друзья отказывали им в живительной влаге. На третий день смерть избавила одного из них от мучений жажды. Это был один из трех братьев, потерявших в Мекке своего отца. Я присутствовал при его смерти. Перед тем язык его совершенно почернел, губы растрескались, и рот был раскрыт. Вряд ли даже в таком состоянии его могла бы спасти капля воды. И все тут, в пустыне, прячут воду друг от друга, и никто не уделит ее ни одной капли, ведь каждая капля воды равноценна жизни!

Наши животные так обессилели, что не могли больше итти, и нам пришлось провести еще четвертый день среди песков. В моей кожаной фляжке оставалось лишь около шести стаканов воды. Я пил ее по каплям, и страшно мучился от жажды. К ужасу

моему я увидел, что язык мой немного почернел. Страшно испугавшись, я тотчас же выпил половину всего запаса воды, думая этим спастись. Но это не помогло. Жажда еще усилилась к утру другого дня и сопровождалась головной болью.

Я почувствовал, что силы начали совсем оставлять меня. По мере того, как мы приближались к горам, песку становилось меньше, и мы стали с надеждой всматриваться вдаль, не покажется ли где-нибудь стадо или пастушечья хижина? Вдруг караванбаши указал на облако пыли, которое приближалось к нам, и тотчас же приказал всем поспешно сойти с верблюдов. Но животные уже поняли, что это приближается ураган; они с громким ревом опустили на колени, вытянули свои длинные шеи, припали к земле и старались спрятать свои головы в песок. Мы тотчас же прилегли сзади них, но едва успели это сделать, как над нами, с глухим шумом, пронесся ветер, покрыв нас слоем песка, в два пальца толщиной. Первые песчинки, упавшие на нас, обожгли нас, как искры. Если бы ветер застиг нас шестью милями дальше в пустыне, мы все бы неминуемо погибли.

К вечеру мы нашли несколько колодцев, но вода в них была негодна для людей, однако, она все же освежила наших животных. Все мы чувствовали себя очень плохо, но у нас была надежда на спасение, и это поддерживало нас.

Я не мог уже слезать с седла без посторонней помощи. Я очень ослабел, и мне казалось, что нет смерти более мучительной, чем смерть от жажды.

Все внутренности у меня жгло, как огнем, и от головной боли я впал почти в беспамятство. Когда я пришел в себя утром, на другой день, то увидел, что нахожусь в какой-то мазанке, и меня окружают какие-то незнакомые люди. У меня не было сил отвечать им. Они дали мне выпить чего-то теплого, а потом кислого молока, смешанного с водой и солью. Это меня подкрепило и поставило на ноги. Тогда я понял, что нахожусь, вместе с товарищами, в гостях у персов-невольников, стерегших овец в десяти милях от Бухары. Владелец этих невольников снабдил их хлебом и водой лишь в очень небольшом количестве, для того, чтобы им не пришлось в голову бежать через пустыню. Но бедные пленники оказались так великодушны, что поделились водой со своими отъявленными врагами, муллами-суннитами. Меня очень тронул один пятилетний мальчик, который тоже находился в неволе. Он сказал мне, что был захвачен вместе с отцом и продан два года тому назад.

— Отец купил себя (т.-е. выкупил), — сказал он, — мне остается еще только два года пребыть в неволе, и тогда отец наверное соберет нужные деньги и выкупит меня.

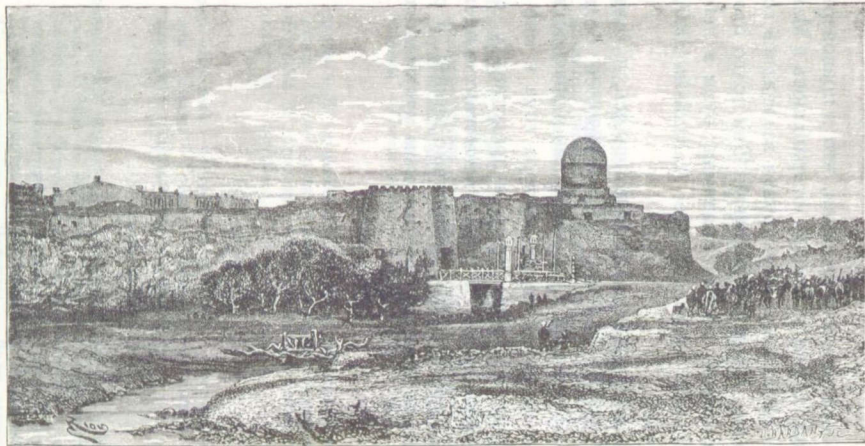
Его бедное, слабое тельце едва было прикрыто несколькими лохмотьями, и его кожа так огрубела, что цветом и жесткостью напоминала сапожную кожу. Я дал ему одно из своих платьев, и он сказал, что переделает его для себя.

Эти несчастные великодушные невольники дали нам еще воды на дорогу, и я с глубоким чувством благодарности простился с ними.

Мы отправились к ближайшей станции Ходша-Обан, чтобы посетить могилу святого того же имени. Мы не могли избежать этого, хотя и должны были сделать для этого небольшой обход к северу. Но ведь мы были хаджи, и для нас было обязательно исполнить этот обряд поклонения! К сожалению, мы заблудились ночью между холмами. К утру мы увидали, однако, что находимся у озера с пресной водой, и наше путешествие кончилось благополучно. Тут оканчивалась пустыня, а с нею и опасность смерти от жажды и все другие невзгоды.

В Бухаре, где мы пробыли восемнадцать дней, я хорошо отдохнул после тяжелого последнего перехода в пустыне. Дальше мы доехали вместе только до Самарканда, и там я расстался с моими благородными друзьями. В продолжение шести месяцев я разделял с ними величайшие опасности, которыми угрожала нам пустыня. Там между нами исчезали всякие различия состояния, лет и национальностей, и мы составляли одну семью. Разлука для нас равнялась смерти, так как вторичное свидание в этой стране было для нас почти невозможно.

Мне было очень грустно, что я не мог доверить своей тайны, не мог открыть, кто я такой, хаджи Билалу и хаджи Сали, своим самым лучшим друзьям в мире, которым я был обязан жизнью. Я вынужден был обманывать их до конца. Мне хотелось сообщить им все, но зная религиозный фанатизм мусульман, я не решался сознаться в поступке,



Самарканд.

который по закону Магомета равняется смертному греху.

И они остались в убеждении, что я правоверный мусульманин, хаджи и отсюда отправляюсь в Мекку. Мы крепко обнялись, и мои друзья заливались горькими слезами, прощаясь со мной. Они долго стояли на том же самом месте, поднимая руки к небу и испрашивая мне благословение Аллаха на далекий трудный путь.

Все трудности путешествия кончились, и возвращение в Тегеран уже не сопровождалось больше никакими особенными приключениями и опасностями. В Европу я вернулся через полтора года и мне казалось каким-то сном, когда я представлял себе пустыню, наш караван и себя в лохмотьях, в одежде дервиша, распевающего священные гимны и раздающего благословения правоверным мусульманам...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

ГЛАВА I.

Ранние годы.—Нужда.—Прерванное учение.—У портного и у трактирщика.—Переселение в Пресбург.—Продолжение учения.—Трудная жизнь.—Мечты начинают сбываться.....	9
---	---

ГЛАВА II.

На пароходе.—Первое знакомство с морем.—Я декламирую французские стихи.—Польза, приносимая знанием языков.—Наконец-то! — Первые шаги в Константинополе.—Встреча соотечественников.—Нашествие крыс.—Трехцветное знамя вместо одеяла.—Уроки языков.—В турецком доме.....	14
--	----

ГЛАВА III.

Мои планы.—Я отправляюсь в путь.—Начало путешествия.—В Эрзеруме.—Ночлег в соседней деревне.—Встреча с курдами.—Нападения разбойников.—Встреча с другом.	24
--	----

ГЛАВА IV.

Арарат.—Свадьба.—Неожиданная охота.—Восточный базар.—Сеиды.—Тевриз.—Дервиш.—Забавное приключение.—Придворное торжество.....	38
---	----

ГЛАВА V.

Я подвергаюсь опасности.—Шииты и сунниты.—Мохаррем.—Тезие.—История Али.—Впечатлительные зрители.—Дети-актеры.—Невольный пост.—Религиозный фанатизм.—Пустынная дорога.—Тегеран.—Трудный вопрос.—Я превращаюсь в дервиша.—Соленая пустыня.—Легенды.—Доля дервиша.—Караван мертвых	50
---	----

ГЛАВА VI.

Караван.—Город Кум.—Любимое место погребения женщин.—Благочестивые приношения.—Исфагань.—Остроумие жителей Исфагани.—Губернатор и купец.—Дрожащие минареты.—Соединение трех караванов.—Трусость персов.—Действие песен.—Удары в грудь.—Город пустыни.—Фарсистан.—Хитрый нищий.—Шираз.—Мой визит к доктору-шведу.—Характер зрителей.—Могила поэтов.—Землетрясение.	72
---	----

ГЛАВА VII.

Тегеран.—Хаджи Билал.—Приготовление к путешествию.—Выбор дороги.—Мои товарищи.—Скала Белого Духа.—Тигры и шакалы.—Город Сари.—Каратепе.—Тайна Якуба.—Кулазы.—Ашурадэ.....	100
---	-----

ГЛАВА VIII.

Туркменский берег.—Аул Гемюштепэ.—Наставление Билала.—Туркменские невольники.—Пленный матрос.—Опасный враг.—Керендаг.—Соляное болото.—Иети-Сири или семь колодцев.—Встреча с дикарем.—Добрый караванбаши.—Могила святого.	118
---	-----

ГЛАВА IX.

Кафланкир—поле тигров.—Поле диких ослов.—Обезображенная наружность.—Омовение песком и пылью.—Доносчик.—Прием у хивинского хана.—Бесчисленные приглашения.—Вопросы о султани.—Благословения и „святое дыхание“.—Награда за отрубленные головы.—Жестокие наказания.	133
--	-----

ГЛАВА X.

Выгода от благочестия.—Опять в безводной пустыне!—Место, где погибают люди.—Смерть от жажды.—Лихорадочный ветер.—В гостях у персов-невольников.—Мальчик-невольник.—Прощание с друзьями.	147
---	-----



Цена 1 р. 25 к.

К